М. ФАБІЙ КВИНТИЛІАНЪ.

ПРАВИЛА ОРАТОРСКАГО ИСКУССТВА

(De institutione oratoria).

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Съ латинскаго перевелъ

В. АЛЕКСѢЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія **В. Вацлика**. Литейный 45—8.

1896.

Книга десятая.

I. Вышеупомянутыя правила, необходимыя, правда, для знакомства съ теоріей предмета, не могутъ еще сдѣлать истиннымъ ораторомъ, если нѣтъ въ своемъ родѣ прочнаго навыка, ἕξις'а грековъ. Въ такихъ случаяхъ, насколько мнѣ извѣстно, часто спрашиваютъ, пріобрѣтается ли онъ путемъ стилистическихъ упражненій, или путемъ чтенія и произнесенія рѣчей.

Если бы мы могли быть удовлетворены однимъ изъ видовъ этихъ упражненій, мы должны были бы остановиться на немъ болѣе подробно; но всѣ они связаны между собою такъ тѣсно, составляютъ такое цѣлое, что, оставивъ безъ вниманія одно, напрасно станемъ работать надъ остальными. Краснорѣчіе никогда не будетъ имѣть ни энергіи, ни мощи, если мы не станемъ черпать силы въ стилистическихъ упражненіяхъ, какъ погибнутъ и наши труды, точно корабль безъ штурмана, разъ у насъ не найдется образца для чтенія. Затѣмъ, человѣкъ, хотя бы и знающій, что говорить и умѣющій облечь свою мысль въ надлежащую форму,но лишенный способности говорить на всякій случай, не готовый къ этому, станетъ играть роль сторожа мертваго капитала.

Тѣмъ не менѣе самое необходимое не всегда играетъ выдающуюся роль въ дѣлѣ воспитанія будущаго оратора. Безспорно, профессія оратора основана главнымъ образомъ на краснорѣчіи; онъ долженъ упражняться преимущественно въ немъ, — отсюда очевидно получило свое начало ораторское искусство — второе мѣсто занимаетъ подражаніе образцамъ и третье — усиленное упражненіе въ письмѣ. Дойти до высшей ступени можно только снизу; но, если дѣло подвигается впередъ, главное прежде начинаетъ терять всякое значеніе. Я однако говорю здѣсь не о системѣ воспитанія будущаго оратора, — объ этомъ я говорилъ довольно подробно или, по крайней мѣрѣ, на сколько былъ въ силахъ—я хочу дать правила, съ помощью какихъ упражненій слѣдуетъ готовить къ самому состязанію—атлета, уже продѣлавшаго всѣ нумера, показанные его учителемъ. Моя цѣль—дать

тому, кто выучился находить подходящія выраженія и группировать ихъ, указанія, какимъ образомъ въ состояніи онъ всего лучше, всего легче примѣнить къ дѣлу то, что̀ усвоилъ.

Тогда можетъ ли быть еще сомнѣніе, что ему необходимо запастись своего рода туго набитымъ кошелькомъ и пользоваться имъ въ случаѣ надобности?—Я имѣю въ виду богатый выборъ выраженій и словъ. Но и эти выраженія должны быть отдѣльными для каждаго предмета и общими лишь для немногихъ, слова — отдѣльными для всякаго предмета. Если бы для каждой вещи было свое слово, хлопотъ было бы, конечно, меньше,—всѣ они тотчасъ приходили бы на умъ при одномъ взглядѣ на предметъ; между тѣмъ одни изъ нихъ удачнѣе, эффектнѣе, сильнѣе или звучатъ лучше другихъ. Поэтому всѣхъ ихъ слѣдуетъ не только знать, но и имѣть подъ рукой или даже, если можно выразиться, передъ глазами, чтобы, руководясь своимъ вкусомъ, будущій ораторъ легко выбиралъ лучшія изъ нихъ./Я, по крайней мѣрѣ, знаю лицъ, которыя имѣютъ привычку учить наизусть синонимы, чтобы легче выбирать изъ массы ихъ какой нибудь и, употребивъ одинъ, брать, во избѣжаніе повторенія, другой синонимъ, если повтореніе необходимо сдѣлать черезъ короткій промежутокъ. Пріемъ, во-первыхъ, дѣтскій и скучный, во-вторыхъ, мало полезный,—набирать лишь кучу словъ, съ цѣлью взять безъ разбора первое попавшееся. Напротивъ, намъ слѣдуетъ пользоваться богатымъ выборомъ словъ умѣло, такъ какъ мы должны имѣть передъ глазами не рыночную болтовню, а настоящее краснорѣчіе, послѣдняго же мы достигаемъ путемъ чтенія или слушанія лучшихъ образцовъ. Тогда мы научимся не только называть, но и называть всего удачнѣе каждый изъ предметовъ.

Въ рѣчи могутъ употребляться почти всѣ слова, за исключеніемъ немногихъ, неприличныхъ. Если ямбографовъ и писателей древней комедіи часто хвалили и за нихъ, намъ, преслѣдуя свои задачи, всетаки необходимо быть осторожными.

Всѣ слова, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ выше, вполнѣ хороши вездѣ, — иногда приходится прибѣгать и къ словамъ простонароднымъ и вульгарнымъ; кажущіяся грубыми, въ тщательно отдѣланныхъ частяхъ, оказываются удачными, если они умѣстны.

Знать и понимать не только ихъ значеніе, но грамматическія ихъ формы и количественные размѣры, чтобы употреблять затѣмъ исключительно на своемъ мѣстѣ, мы можемъ только путемъ усидчиваго чтенія и слушанія, такъ какъ всякое слово мы, прежде всего, слышимъ. Вотъ почему грудныя дѣти, выкормлен-

ныя по приказанію нѣкоторыхъ царей, въ уединеніи, нѣмыми кормилицами, издавали, разсказываютъ, какіе то звуки, но говорить не могли.

Есть, впрочемъ, много и такихъ словъ, которыя означаютъ одно и тоже, такъ что ихъ можно безразлично употреблять для обозначенія понятій; напр. *ensis* и *gladius*. Въ свою очередь, другія, обозначая, въ тѣсномъ смыслѣ извѣстную вещь, τροπικῶς становятся синонимами; напр. *ferrum* и *mucro*. Далѣе, посредствомъ катахреса, мы называемъ *sicarii* всѣхъ, кто совершилъ убійство ***какимъ бы то ни было*** оружіемъ. Затѣмъ, нѣкоторыя понятія мы обозначаемъ перифрастически; напр., *pressi copia lactis*. Съ другой стороны, очень часто мы выражаемъ одно и тоже, лишь перемѣняя выраженія; напр. *scio* значитъ *non ignoro*, или *non me fugit*, *non me praeterit*, *quis nescit?* или *nemini dubium est*. Воспользуемся для этой перемѣны ближайшими по смыслу выраженіями; напр., *intellego*, *sentio* и *video* часто значатъ одно и тоже—*scio*. Чтеніе дастъ намъ огромное количество выраженій подобнаго рода и научитъ, какъ употреблять ихъ не безъ разбора, но осмотрительно. Смыслъ ихъ не всегда одинаковъ; неправильно говорить, напр., объ умственномъ представленіи—*video*, какъ о зрѣніи — *intellego*; вмѣсто *mucro* нельзя сказать *gladius*, но *gladius* вовсе не значитъ *mucro*.

Если этимъ путемъ намъ можно будетъ добыть богатый выборъ словъ, всетаки читать самому или слушать преніе слѣдуетъ не только ради знакомства со словами: лишь только ученикъ начинаетъ оказывать успѣхи и въ состояніи понимать примѣры безъ указки, подвигаться впередъ уже безъ посторонней помощи, во всемъ, что мы учимъ, болѣе дѣйствительны примѣры, нежели теоретическія правила,—ораторъ можетъ показать на практикѣ то, на что учитель только указываетъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако больше пользы въ слушаніи, въ другихъ—въ чтеніи. Ораторъ дѣйствуетъ на насъ своимъ собственнымъ воодушевленіемъ, возбуждаетъ не только описаніемъ, абриссомъ предмета, но и самымъ предметомъ. Все въ немъ живетъ и движется; мы слушаемъ что то новое, какъ бы зарождающееся, и слушаемъ съ удовольствіемъ, соединеннымъ съ безпокойствомъ. Мы боимся не только за исходъ процесса, но и лично за оратора. Затѣмъ, голосъ, изящная, красивая жестикуляція, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она необходима, далѣе декламація,—едва ли не самое важное въ рѣчи, вообще, все дѣйствуетъ одинаково поучительно.

Читая, мы судимъ вѣрнѣе, слушая же, часто отдаемся на волю

собственной симпатіи или одобрительныхъ криковъ другихъ. Стыдно расходиться съ ними во взглядахъ; своего рода молчаливая скромность не позволяетъ намъ вѣрить больше себѣ, а между тѣмъ большинству нравится иногда дурное, въ свою очередь, клика хвалитъ даже то, что не нравится никому. Бываетъ обратно, что невѣжественная публика отказываетъ въ заслуженномъ одобреніи даже прекрасной рѣчи. Чтеніе — свободно въ сужденіяхъ; оно не летитъ такъ быстро, какъ рѣчь, напротивъ, можно часто повторять отдѣльную фразу, если ты ее не понимаешь или хочешь запомнить. Совѣтую повторять прочитанное, вдумываясь въ каждое слово. Пищу намъ слѣдуетъ ѣсть пережеванною, почти въ видѣ кашицы, чтобы ее легко переваривалъ желудокъ; такъ и прочитанное надо запоминать не въ сыромъ, если можно выразиться, видѣ, а въ разжеванномъ, путемъ многократныхъ повтореній, какъ бы размягченномъ, съ цѣлью взять потомъ себѣ за образецъ.

Долгое время мы должны читать исключительно лучшихъ авторовъ, такихъ, которые всего менѣе способны обмануть оказываемое имъ довѣріе, читать внимательно и даже съ такою тщательностью, какъ если бы ты самъ писалъ книгу, разбирать все сочиненіе не только по частямъ, а послѣ прочтенія книги слѣдуетъ приняться за нее снова, въ особенности за рѣчи, красоты которыхъ нерѣдко скрываютъ преднамѣренно. Ораторъ часто приготовляется, притворяется, ставитъ ловушки и говоритъ въ первой части рѣчи то, что должно произвести свое дѣйствіе лишь въ концѣ. Вотъ почему, пока мы не знаемъ, для чего это сказано, оно кажется намъ неумѣстнымъ; поэтому, узнавъ все, намъ слѣдуетъ прочесть рѣчь еще разъ.

Необыкновенно полезно однако быть знакомымъ съ подробностями процесса, если произнесенныя въ немъ рѣчи въ рукахъ у насъ, и, по возможности, стараться прочесть рѣчи обѣихъ сторонъ; напр. отвѣтныя рѣчи Демосѳена и Эсхина, Сервія Сульпиція и Мессалы, — изъ которыхъ одинъ говорилъ въ защиту Авфидіи, другой обвинялъ ее, — далѣе, Полліона и Кассія, по обвиненію Аспрената, и массу другихъ. Если даже нѣкоторыя изъ нихъ не одинаковаго достоинства, всетаки слѣдуетъ имѣть ихъ въ рукахъ для знакомства съ процессомъ, напр. отвѣтныя рѣчи Цицерону—Туберона, обвинявшаго Лигарія, или рѣчи Гортенсія въ защиту Верреса. Будетъ не безполезно знать также, какъ кто говорилъ на одну и ту же тему.

О домѣ Цицерона говорилъ, между прочимъ, Калидій, какъ рѣчь въ защиту Милона написалъ, для упражненія, Брутъ—Кор

нелій Цельсъ напрасно думаетъ, что она была произнесена,— затѣмъ, Полліовъ и Мессала защищали однихъ и тѣхъ же лицъ. Когда я былъ мальчикомъ, широкою извѣстностью пользовались рѣчи Домиція Афра, Криспа Пассіена и Децима Лэлія, въ защиту Волузена Катула.

Приступая къ чтенію, необходимо однако быть свободнымъ отъ предубѣжденія, что каждое слово великаго писателя носитъ на себѣ печать совершенства,—и они подъ часъ, теряютъ почву подъ ногами, и они выбиваются изъ силъ, и они отдаются капризамъ своего таланта, не всегда энергичны, иногда устаютъ. Цицерону кажется, что спитъ подъ часъ Демосѳенъ, а Горацію— даже самъ Гомеръ. Правда, они геніи, но они же и люди. Случается, также что тѣ, кто считаютъ закономъ для оратора все, что находятъ въ великихъ писателяхъ,—подражаютъ ихъ ошибкамъ — что легче — и высшую степень сходства съ великими людьми считаютъ въ томъ, что раздѣляютъ ихъ недостатки. Но судить о великихъ людяхъ слѣдуетъ скромно и осторожно, чтобы— какъ это бываетъ съ очень многими—не отнестись строго къ тому, чего не понимаешь, и, если нельзя не ошибиться въ томъ или иномъ отношеніи, желаю, чтобы читателю скорѣй понравилось въ ихъ произведеніяхъ все, нежели не понравилось многое...

По словамъ Теофраста, чтеніе поэтовъ весьма полезно для будущаго оратора. Многіе раздѣляютъ этотъ взглядъ и вполнѣ основательно. У поэтовъ можно заимствовать полетъ мысли, возвышенный тонъ, всякаго рода сильные аффекты, удачную обрисовку характеровъ. Пріятное чувство, доставляемое чтеніемъ ихъ, можетъ дѣйствовать освѣжающимъ образомъ, въ особенности на тѣхъ, кого утомляетъ ежедневная практика, какъ юриста по профессіи. На этомъ основаніи Цицеронъ считаетъ чтеніе подобнаго рода—отдыхомъ.

Тѣмъ не менѣе необходимо помнить, что ораторъ не долженъ слѣпо подражать поэтамъ; напр., въ свободномъ выборѣ словъ или вольности конструкціи. Поэзіей можно только любоваться издали. Кромѣ того, что единственная ея цѣль — наслажденіе, причемъ цѣли этой она старается достичь нетолько невѣроятными, но и прямо чудовищными вымыслами, извиненіемъ ей служитъ еще одно обстоятельство: заключенная въ тѣсныя рамки опредѣленнаго стихотворнаго размѣра, она не всегда въ состояніи употреблять соотвѣтствующія выраженія. Ей приходится сходить съ прямой дороги и пробираться, чтобы дойти до извѣстнаго выраженія, стороной; она должна не только мѣнять отдѣльныя слова, но и удлиннять, сокращать, переставлять или дѣлить; намъ, между

тѣмъ, слѣдуетъ стоять вооруженными въ строю, разсуждать о предметахъ въ высшей степени серьезныхъ и стремиться къ побѣдѣ. Я не хотѣлъ бы, чтобы наше оружіе было покрыто грязью и ржавчиной, нѣтъ, оно должно имѣть блескъ и наводить имъ страхъ, какъ, напр., желѣзо, блескъ котораго пугаетъ одновременно умъ и зрѣніе, но не блескъ золота или серебра, не имѣющій съ войной ничего общаго и скорѣй опасный, нежели полезный его собственнику.

Ораторъ можетъ находить своего рода богатую и пріятную пищу и въ чтеніи исторіи; только, читая ее, слѣдуетъ помнить, что оратору должно остерегаться подражать большинству того что служитъ къ чести историка. Между исторіей и поэзіей существуетъ очень тѣсная связь,—первая изъ нихъ своего рода неотдѣланное стихотвореніе; она пишется для разсказа, не для доказательствъ; все произведеніе имѣетъ цѣлью не современниковъ разсказываетъ не о дѣятельности юриста,—она должна служить памятникомъ въ потомствѣ, пріобрѣтая имя автору, вслѣдствіе чего путемъ архаизмовъ и болѣе свободнымъ употребленіемъ фигуръ онъ старается отнять у своего разсказа скучный характеръ. Вотъ почему, какъ я замѣтилъ выше, мы не должны гоняться за прославленной краткостью Саллюстія, недосягаемо прекрасной въ глазахъ людей внимательныхъ и высокообразованныхъ, но непонятной въ глазахъ судей, занятыхъ различнаго рода мыслями или—еще чаще—необразованныхъ, какъ, въ свою очередь поражающее богатство языка Ливія не удовлетворитъ того, кто ищетъ правды, а не красоты слога. На этомъ основаніи М. Туллій Цицеронъ не видитъ пользы для оратора даже въ чтеніи Ѳукидида и Ксенофонта, хотя, по его выраженію, первый звучитъ какъ боевая труба, устами же второго говорили музы. Намъ, впрочемъ, можно иногда прибѣгать, въ отступленіяхъ, къ цвѣтистому стилю историка; но мы не должны забывать, что въ рѣшительный моментъ намъ нужны будутъ не мускулы атлета, а рука солдата, и что извѣстное пестрое платье, которое, по разсказамъ современниковъ, носилъ Деметрій Фалерскій, плохо гармонируетъ съ пыльнымъ форумомъ.

Изъ чтенія историковъ можно сдѣлать и другое употребленіе и даже самое важное, — что однако не имѣетъ отношенія къ данному мѣсту—оратору безусловно необходимо быть знакомымъ съ событіями и примѣрами, чтобы брать эти примѣры не исключительно отъ тяжущихся сторонъ, но заимствовать преимущественно изъ древней исторіи, съ которой слѣдуетъ быть хорошо

знакомымъ. Они производятъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что только они и свободны отъ упрека въ симпатіяхъ или антипатіяхъ.

Но, если, намъ приходится заимствовать многое путемъ чтенія философовъ, виной тому сами ораторы. По крайней мѣрѣ, они поступились въ пользу первыхъ своими благороднѣйшими задачами. Вопросами о сущности справедливаго, честнаго, полезнаго и противоположныхъ имъ понятій и, главнымъ образомъ, религіозными вопросами, занимаются и съ увлеченіемъ спорятъ при этомъ—философы. Въ особенности могутъ оказать пользу будущему оратору своею діалектикой и своей системой вопросовъ—сократики. Но здѣсь одинаково необходимо поступать осмотрительно. Мы, правда, разсуждаемъ объ одномъ и томъ же, тѣмъ не менѣе должно знать, что есть разница между рѣчью на судѣ и разговоромъ философскаго характера, форумомъ и аудиторіей, какъ между теоріей и процессомъ.

Выражая свое мнѣніе о громадной пользѣ чтенія, я жду, что многіе потребуютъ отъ меня, чтобы я въ своемъ сочиненіи коснулся и того вопроса, какихъ авторовъ слѣдуетъ читать и какія особенности въ каждомъ изъ нихъ. Но перечислять по порядку всѣхъ ихъ было бы безконечнымъ трудомъ. Если въ своемъ «Брутѣ» М. Туллій Цицеронъ говоритъ на нѣсколькихъ тысячахъ строкъ только о римскихъ ораторахъ, обходя молчаніемъ всѣхъ своихъ современниковъ, лицъ, жившихъ съ нимъ вмѣстѣ, кромѣ Цезаря и Марцелла, — гдѣ же былъ бы конецъ, если бъ я вздумалъ включить сюда и ихъ, и жившихъ позже, въ томъ числѣ всѣхъ грековъ и философовъ? Итакъ, всего лучше быть краткимъ, по примѣру Ливія. Въ письмѣ къ сыну онъ совѣтуетъ читать сперва Демосѳена и Цицерона, затѣмъ другихъ, сообразно съ тѣмъ, на сколько, въ отдѣльности, у нихъ есть общее съ Демосѳеномъ и Цицерономъ.

Лично я не могу однако не высказать въ короткихъ словахъ и своего мнѣнія. Мнѣ кажется, изъ общаго числа дошедшихъ до насъ древнихъ писателей можно найти лишь немногихъ или, вѣрнѣй, не встрѣтить ни одного, который не могъ бы принести хоть сколько нибудь пользы при условіи разумнаго пользованія имъ, если уже самъ Цицеронъ признается, что очень много обязанъ геніальнымъ, при своей безыскусственности, древнѣйшимъ писателямъ. Нѣсколько иначе думаю я о новыхъ, — можно ли найти среди нихъ такихъ глупцовъ, которые не разсчитывали бы, хоть съ очень слабой надеждой на успѣхъ, оставить послѣ себя память въ потомствѣ? Но если бы даже такіе и нашлись, они тотчасъ же, съ первыхъ строкъ изобличили бы себя. Мы немедленно

швырнемъ ихъ въ сторону, прежде чѣмъ потратимъ массу времени для дальнѣйшаго знакомства съ ними. Не все однако, имѣющее отношеніе къ той или другой части знанія, можетъ служить къ выработкѣ слога, о которой мы говоримъ.

Но, прежде чѣмъ говорить о каждомъ писателѣ порознь, считаемъ необходимымъ сдѣлать общее замѣчаніе, сказать нѣсколько словъ о разницѣ вкусовъ. По мнѣнію однихъ, читать надо исключительно древнихъ авторовъ,—только одни они обладаютъ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ и силой истиннаго мужчины. Въ свою очередь, другіе восторгаются слащаватымъ, цвѣтистымъ стилемъ новѣйшихъ авторовъ, гдѣ все направлено къ угожденію вкусамъ невѣжественной толпы. Далѣе, изъ тѣхъ, кто желаетъ идти, въ изученіи краснорѣчія, прямымъ путемъ, часть считаетъ здоровымъ, настоящимъ аттицизмомъ лишь языкъ сжатый, простой и ничѣмъ почти не отличающійся отъ обыкновенной рѣчи; другая склоняется на сторону болѣе торжественнаго слога, живого и полнаго воодушевленія. Но есть не мало любителей и ровнаго, вылощеннаго и спокойнаго стиля. Объ этой разницѣ я буду говорить подробнѣе тогда, когда мнѣ придется разсуждать о слогѣ вообще, теперь же займусь, не вдаваясь въ тонкости, вопросомъ какихъ авторовъ могутъ съ пользою читать лица, желающія пріобрѣсти навыкъ въ краснорѣчіи.

Я намѣренъ остановиться въ своемъ выборѣ на немногихъ авторахъ, какъ на самыхъ выдающихся. Внимательный читатель въ состояніи легко судить и о тѣхъ, кто подходитъ къ нимъ всего ближе, чтобы никому не жаловаться на меня, если я, быть можетъ, пропустилъ любимцевъ того или другого: признаюсь, читать слѣдуетъ большее количество, въ сравненіи съ тѣми, которыхъ я называю. Но теперь я намѣренъ говорить уже о различныхъ родахъ чтенія, безусловно необходимаго, по моему мнѣнію, лицу, избравшему себѣ профессію оратора.

Итакъ, если Аратъ считаетъ нужнымъ начинать «съ Юпитера», мы, намъ кажется, должны начать съ Гомера. Какъ рѣки и источники,—выражаясь его собственными словами—берутъ свое начало въ Океанѣ; такъ и онъ служитъ для насъ образцомъ и источникомъ краснорѣчія всякаго рода. Онъ недосягаемъ, говоритъ ли торжественнымъ тономъ о серьезныхъ предметахъ или безыскусственнымъ — о мелочахъ. Въ одно время онъ и изысканъ, и простъ, шутливъ и серьезенъ, поражаетъ многословіемъ, какъ и краткостью, обладая достоинствами не только первокласнаго поэта, но и оратора. Если бъ даже я и не сказалъ ни слова о томъ, какъ онъ хвалитъ, совѣтуетъ или утѣшаетъ, развѣ

не встрѣчаются всѣ тонкости діалектики, имѣющія мѣсто въ процессахъ или народныхъ собраніяхъ, въ девятой, напр., книгѣ, гдѣ разсказывается о посольствѣ къ Ахиллею, въ первой, гдѣ описанъ споръ предводителей, или во второй, гдѣ поэтъ выражаетъ свои взгляды? Что же касается аффектовъ, найдется ли такой невѣжда, который не сознался бы, что нашъ авторъ владѣетъ способностью дѣйствовать на душу или успокоительно, или возбуждающимъ образомъ? Ну, а развѣ онъ немногими строками своихъ приступовъ къ обѣимъ его поэмамъ не только не далъ образца для вступленій, но и не сдѣлалъ его правиломъ? Обращаясь къ богинямъ, считающимся покровительницами поэтовъ, онъ располагаетъ слушателя въ свою пользу; рисуя передъ нимъ величавыя картины, держитъ его въ напряженномъ состояніи, схватывая немногими словами главную мысль,—объясняетъ ему все. Могъ ли бы кто разсказать короче о смерти Патрокла или нагляднѣе описать сраженіе куретовъ съ этольцами? Что же касается сравненій, преувеличеній, примѣровъ, эпизодовъ, доказательствъ, доводовъ и различнаго рода формулъ утвержденія или отрицанія, ихъ такъ много, что сами авторы сочиненій по реторикѣ заимствовали у нашего поэта массу примѣровъ подобнаго рода. Можетъ ли, наконецъ, какой либо эпилогъ сравниться съ просьбой Пріама, обращенной къ Ахиллею? А что сказать объ отдѣльныхъ словахъ, мысляхъ, фигурахъ или конструкціи цѣлаго произведенія?—Развѣ оно не переходитъ границы человѣческаго генія? Нуженъ великій умъ, который могъ бы если не подражать ему,—это немыслимо—то вообще, понимать его. Онъ, безъ сомнѣнія, оставилъ позади себя всѣхъ и въ краснорѣчіи всякаго рода, въ особенности эпиковъ, что понятно само собой, потому что всего удачнѣе можно сравнивать похожее.

Гесіодъ рѣдко бываетъ торжественнымъ. Большую часть своихъ страницъ онъ наполняетъ именами; тѣмъ не менѣе его сентенціи дидактическаго характера могутъ быть полезными; его слѣдуетъ похвалить за легкость слога и композицію. Ему принадлежитъ пальма первенства въ краснорѣчіи средняго рода.

Въ Антимахѣ, напротивъ, надо похвалить силу, серьезный тонъ и способъ выраженія, не имѣющій ничего общаго съ прозаической рѣчью. Хотя почти всѣ ученые критики отводятъ ему второе мѣсто послѣ Гомера, въ немъ всетаки нѣтъ ни паѳоса, ни композиціи, вообще, тонкой отдѣлки, а это доказываетъ ясно, какая огромная разница между словами «второй» и «равный»...

Про Паніасида говорятъ, что онъ какъ бы соединяетъ въ себѣ обоихъ послѣднихъ поэтовъ, не равняясь тѣмъ не менѣе достоин-

ствами ни съ однимъ изъ нихъ: онъ стоитъ выше одного выборомъ своихъ сюжетовъ, другого—композиціей.

Аполлоній не вошелъ въ списокъ, составленный учеными критиками,—Аристархъ и Аристофанъ исключили изъ своей таблицы всѣхъ своихъ современниковъ. Однако жъ мы имѣемъ отъ него произведеніе, заслуживающее вниманія, хоть и написанное довольно однообразно «среднимъ» стилемъ.

У Арата изложеніе лишено живости; въ немъ нѣтъ ни разнообразія, ни огня, нѣтъ живыхъ, говорящихъ лицъ. Онъ, впрочемъ, удовлетворяетъ задачѣ, которую считалъ посильной для себя.

Теокритъ интересенъ въ своемъ родѣ; но его муза занимается исключительно деревней и пастушеской жизнью и бѣжитъ не только форумовъ, но и самихъ городовъ.

Отовсюду я какъ будто слышу голоса, называющіе массу именъ поэтовъ. Неужели, спрашиваютъ меня, Геркулесъ не нашелъ въ лицѣ Писандра талантливаго пѣвца своихъ подвиговъ?... А развѣ Макръ и Вергилій не основательно подражали Никандру?... Значитъ, мы пропустимъ Евфоріона?.. А вѣдь если бы Вергилій не цѣнилъ его, онъ, навѣрное, не упоминалъ бы, въ своихъ «Буколикахъ», о «стихотвореніяхъ, написанныхъ халкидскимъ поэтомъ»... Ну, а Горацій напрасно отводитъ Тиртэю первое мѣсто послѣ Гомера?..

Никто, конечно, не знакомъ съ ними такъ поверхностно, что не возьметъ, по крайней мѣрѣ, на время, изъ библіотеки рукописи ихъ произведеній и не помѣститъ въ число своихъ книгъ. Однако же я знаю, о комъ не говорю, и не думаю отрицать всякое ихъ значеніе въ литературѣ,—всѣ они, какъ я замѣтилъ выше, въ томъ или въ другомъ отношеніи полезны. Но мы вернемся къ нимъ, когда окончательно подкрѣпимъ свои силы, какъ это мы зачастую дѣлаемъ за богатымъ столомъ: мы сыты изысканными блюдами, тѣмъ не менѣе намъ пріятны и простыя кушанья, именно благодаря разнообразію.

Теперь мы можемъ взять въ руки элегію, лучшимъ представителемъ которой считается Каллимахъ; второе мѣсто занимаетъ, по мнѣнію большинства, Филетъ. Но пока мы должны стараться пріобрѣсти прочный навыкъ, о которомъ я говорилъ выше, намъ слѣдуетъ заняться чтеніемъ исключительно лучшихъ авторовъ и развивать умъ и учиться слогу не количествомъ прочитанныхъ книгъ, а скорѣе ихъ качествомъ. Такъ изъ трехъ ямбографовъ, вошедшихъ въ каталогъ Аристарха, въ отношеніи ἕξις'а особенно полезенъ будетъ Архилохъ. Языкъ его замѣчательно энергиченъ мысль сильна и блестяща при своей краткости; въ немъ очень много крови и нервовъ; но, если онъ иногда уступаетъ поэтамъ

своего направленія, по мнѣнію его критиковъ, виною тому не его талантъ, а выборъ имъ своего сюжета.

Изъ девяти лириковъ самое первое мѣсто занимаетъ Пиндаръ, какъ по величественному полету мысли, сентенціямъ, фигурамъ, поражающимъ богатствомъ содержанія и формы, такъ и по бурному точно рѣка, чудному языку, вслѣдствіе чего Горацій вполнѣ заслуженно считаетъ его положительно неподражаемымъ.

О крупномъ талантѣ Стесихора говорятъ его произведенія,— онъ воспѣваетъ самыя великія изъ войнъ и извѣстнѣйшихъ вождей; лира его съ успѣхомъ разрабатываетъ и эпическіе сюжеты: своихъ героевъ онъ заставляетъ дѣйствовать и говорить сообразно ихъ положенію. Если бъ онъ держался мѣры, онъ, очевидно, могъ бы занимать ближайшее мѣсто послѣ Гомера; но онъ выступаетъ изъ береговъ, онъ наводняетъ. За это онъ, конечно, заслуживаетъ порицанія, однако его слѣдуетъ упрекнуть развѣ въ силѣ его таланта...

Если Алкэю даютъ въ руки «золотой смычекъ», ему даютъ его справедливо; благодаря направленію его поэзіи, въ одномъ отношеніи,—онъ врагъ тираніи и, въ то же время, много способствуетъ укрѣпленію нравственнаго чувства. Стихъ его кратокъ и нарядень; сильный его языкъ носитъ на себѣ очень густую реторическую окраску; но онъ можетъ и шутить, спускаясь въ область эротической поэзіи, хотя ему по плечу темы болѣе серьезныя.

Симонидъ, въ общемъ, слабъ; но его можно рекомендовать за его мѣткій и отчасти пріятный языкъ. Однако главное его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ возбуждаетъ чувство состраданія, поэтому нѣкоторые ставятъ его въ этомъ отношеніи выше всѣхъ писателей его направленія.

Древняя комедія почти одна хранитъ въ себѣ изящную чистоту аттическаго діалекта, соединенную съ эффектной безцеремонностью выраженій. Осмѣивать уродливое нравственно—ея главная задача, хотя у ней бездна таланта и въ другомъ отношеніи,—она торжественна, изящна и пріятна. Не могу указать на что другое болѣе близкое къ ораторскому искусству или болѣе пригодное для воспитанія будущаго оратора, послѣ Гомера, конечно, котораго всегда слѣдуетъ исключать изъ сравненія, какъ и его Ахиллея. Комиковъ очень много; но главное мѣсто занимаютъ Аристофанъ, Евполидъ и Кратинъ.

Творцомъ трагедіи былъ Эсхилъ, торжественный, серьезный и высокопарный, часто до смѣшного, но, въ большинствѣ случаевъ, грубый и не изящный. Вотъ почему аѳиняне дали позднѣйшимъ

поэтамъ право исправлять его пьесы и выступать съ ними на публичныхъ состязаніяхъ, благодаря чему многіе изъ нихъ получили призъ.

Гораздо большую извѣстность, какъ трагики, пріобрѣли Софоклъ и Еврипидъ. До сихъ поръ еще часто спорятъ, кому изъ нихъ отдавать пальму первенства въ поэзіи, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи языка они шли каждый своею дорогой. Разумѣется, я оставляю этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ онъ не имѣетъ никакого отношенія къ нашей темѣ. Нельзя однако не сознаться, что для готовящагося выступить публично Еврипидъ принесетъ несравненно больше пользы. И языкомъ — что, впрочемъ, считаютъ въ немъ недостаткомъ тѣ, въ чьихъ глазахъ кажутся болѣе возвышенными серьезность, величіе и самый стихъ Софокла, — онъ ближе къ ораторскому стилю; затѣмъ, у него много сентенцій, причемъ онъ разсуждаетъ почти какъ философы въ отношеніи того, что онъ заимствовалъ отъ нихъ. Что же касается вопросовъ и отвѣтовъ дѣйствующихъ лицъ его пьесъ, его можно сравнить съ любымъ изъ выдающихся ораторовъ форума. Онъ безподобенъ въ описаніи какой угодно страсти, но въ особенности неподражаемъ онъ въ возбужденіи чувства состраданія.

Онъ нашелъ себѣ въ лицѣ Менандра восторженнаго поклонника — о чемъ послѣдній не разъ заявляетъ лично — и подражателя, хотя и въ другомъ направленіи. Если мы станемъ внимательно читать Менандра, онъ, по моему убѣжденію, въ состояніи дать намъ все, чего мы требуемъ, — съ такою полнотой нарисовалъ онъ картину человѣческой жизни, такъ умѣетъ владѣть языкомъ, что знаетъ назвать своимъ именемъ всякую вещь, всякій характеръ, всякое душевное движеніе. Не совсѣмъ не правы лица, считающія Менандра авторомъ рѣчей, приписываемыхъ Харисію. Но, по моему мнѣнію, въ своихъ комедіяхъ онъ заслуживаетъ похвалы главнымъ образомъ какъ ораторъ, если только сцены судейскаго характера, встрѣчающіяся въ «Epitrepontes», «Epicleros», «Locroe», считать удачными или декламаціи въ «Psophodee», «Nomothete» и «Hypobolimaeus» — вполнѣ отвѣчающими требованіямъ ораторскаго искусства... Я, впрочемъ, думаю, что всего больше пользы можетъ онъ принести декламаторамъ, такъ какъ имъ, по закону контроверсій, необходимо выводить очень много ролей, — отцовъ и сыновей, солдатъ и крестьянъ, богачей и бѣдняковъ, сердитыхъ и просителей, лицъ съ мягкимъ и лицъ съ суровымъ характеромъ. Всѣ эти типы поэтъ умѣетъ выдержать замѣчательно мастерски. Конечно, онъ оставилъ за собой всѣхъ писателей одного съ нимъ направленія, затмилъ ихъ блескомъ своей славы.

Есть, впрочемъ, и другіе комики, изъ которыхъ можно извлечь извѣстиую пользу, если, читая ихъ, не предъявлять къ нимъ строгихъ требованій,—главнымъ образомъ Филемонъ. Испорченный вкусъ его современниковъ часто отдавалъ ему предпочтеніе передъ Менандромъ; но, по отзыву всѣхъ, онъ заслуживаетъ занимать второе мѣсто послѣ него.

Талантливыхъ историковъ очень много; но никто не станетъ колебаться отдать рѣшительное предпочтеніе предъ остальными двумъ изъ нихъ, противоположныя достоинства которыхъ заслужили почти одинаково горячую похвалу. Ѳукидидъ сжатъ, лаконичеиъ и постоянно спѣшитъ впередъ, Геродотъ—пріятенъ, ясенъ и словоохотливъ. Первый умѣетъ передавать лучше бурныя душевныя движенія, второй—тихія; одинъ—рѣчи народныхъ собраній, другой—обыденный разговоръ; въ первомъ больше силы, во второмъ—граціи.

Ближе всѣхъ къ нимъ стоитъ Теопомпъ, но, какъ историкъ, онъ ниже ихъ и подходитъ ближе къ оратору,—прежде чѣмъ его побудили заняться исторіей, онъ долгое время былъ ораторомъ. Изъ цѣлаго ряда хорошихъ историковъ слѣдуетъ назвать Филиста, подражателя Ѳукидида. Правда, онъ много слабѣе его, зато нѣсколько понятнѣе.

Ефору, по мнѣнію Исократа, не достаетъ огня. Клитархъ заслуживаетъ похвалы за свой талантъ; но на вѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній трудно полагаться.

Послѣ долгаго промежутка времени выступаетъ па сцену Тимагенъ. Его нельзя не похвалить за одно уже то, что онъ вновь воскресилъ забытую было любовь къ исторіи,—и имѣлъ успѣхъ. Я не забылъ Ксенофонта; но ему должно отвести мѣсто между философами.

Теперь слѣдуетъ длинный рядъ ораторовъ,—въ одиѣхъ Аѳинахъ ихъ жило одновременно десять. Выдающееся мѣсто между ними занимаетъ безспорно Демосѳенъ, едва-ли не образецъ оратора: въ немъ такъ много силы, такъ много сжатости, такъ, если можно выразиться, хорошо развиты мышцы, что нѣтъ ничего не идущаго къ дѣлу, какъ въ изложеніи его—не найти ничего недосказаннаго или лишняго.

Эсхинъ богаче его, словоохотливѣе и кажется тѣмъ грандіознѣе, чѣмъ длиннѣе его періоды; однако жъ въ немъ много мяса и мало мускуловъ.

Чрезвычайно пріятенъ и остроуменъ Гиперидъ; но онъ лучше—чтобы не сказать полезнѣе—скорѣй въ менѣе значительныхъ процессахъ.

Старшій изъ нихъ, Лисій—ясенъ и изященъ. Если съ оратора достаточно умѣть излагать суть дѣла, онъ положительно неподражаемъ,—въ немъ нѣтъ ничего безсодержательнаго, ничего несвоевременнаго, и всетаки его можно сравнить скорѣе съ чистымъ источникомъ, чѣмъ съ большой рѣкою.

Исократъ красивъ и изященъ въ другомъ родѣ ораторскаго краснорѣчія, но годенъ болѣе для палестры, нежели для настоящаго сраженія. Онъ усвоилъ себѣ красоту слога и не напрасно,—онъ готовилъ себя не для залы суда, а для аудиторіи. Онъ легко облекаетъ мысль въ ея форму, любитъ все приличное; что же касается композиціи, онъ такъ строгъ, что педантизмъ его ставился ему въ вину.

Вышеупомянутыя достоинства нельзя считать единственными въ тѣхъ ораторахъ, о которыхъ я говорилъ, они лишь характерны въ нихъ, по моему мнѣнію; въ свою очередь, были и другіе великіе ораторы. Очень талантливымъ считаю я даже извѣстнаго Деметрія Фалерскаго, хотя онъ, говорятъ, первымъ уклонился, какъ ораторъ, отъ настоящаго пути. Но его необходимо упомянуть по одному уже тому, что онъ былъ едва ли не послѣднимъ изъ аттическихъ ораторовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Цицеронъ, впрочемъ, отдаетъ ему предпочтеніе предъ всѣми въ «среднемъ» родѣ краснорѣчія.

Главой философовъ, чтенію которыхъ всего болѣе обязанъ, по собственному признанію, М. Туллій Цицеронъ, какъ ораторъ, можетъ ли кто сомнѣваться считать Платона, или вслѣдствіе тонкостей его діалектики, или же вслѣдствіе своего рода божественнаго и «Гомеровскаго» таланта выражать свои мысли? Онъ стоитъ далеко выше прозы, или «простой» рѣчи, какъ называютъ ее греки, благодаря чему я считаю его произведенія не плодомъ человѣческаго ума, а результатомъ своего рода вдохновенія со стороны дельфійскаго оракула.

Что сказать мнѣ о безыскусственной прелести Ксенофонта, достичь которой нельзя однако никакимъ искусствомъ? Точно сами граціи влагали рѣчь въ его уста, и мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести къ нему слова, сказанныя Древней Комедіей о Периклѣ,—«въ устахъ его живетъ какъ бы богиня Краснорѣчія».

Долженъ ли я говорить о блестящемъ слогѣ остальныхъ учениковъ Сократа? — Напримѣръ, что объ Аристотелѣ? Въ отношеніи его не знаю, великъ ли онъ скорѣй обширностью своихъ познаній, массою сочиненій, силою и красотой своего языка, или остроумною находчивостью, или же разнообразіемъ работъ?

Теофрастъ обладаетъ такимъ замѣчательнымъ, блестящимъ стилемъ, что отъ этого, по разсказамъ, получилъ и свое имя.

Менѣе занимались изяществомъ языка стоики старой школы; но, съ одной стороны, они проводили нравственныя идеи, съ другой—необыкновенно искусны въ группировкѣ примѣровъ и доказательствъ въ своихъ положеніяхъ. Въ нихъ однако больше остроумія, нежели красоты слога, чего, конечно, они и не добивались.

Того-же порядка должны придерживаться мы и при перечисленіи латинскихъ авторовъ. Какъ во главѣ грековъ мы поставили Гомера, такъ нашихъ авторовъ всего лучше начать съ Вергилія, который и изъ числа греческихъ писателей, и изъ числа латинскихъ этого направленія всего ближе, безъ сомнѣнія, подходитъ къ Гомеру. Я сошлюсь здѣсь на фразу, слышанную лично мною, въ молодые годы, отъ Домиція Афра. Когда я спросилъ его, кто, по его мнѣнію, всего ближе стоитъ къ Гомеру, онъ отвѣчалъ, что второе мѣсто занимаетъ Вергилій, но стоитъ ближе къ первому мѣсту, нежели къ третьему. Дѣйствительно, если даже намъ и нельзя не уступить предъ небеснымъ, безсмертнымъ геніемъ Гомера, въ свою очередь, у Вергилія больше тщательной, строгой отдѣлки и едва-ли не потому, что ему приходилось усерднѣе работать. Вотъ почему, на сколько мы ниже его въ блестящихъ мѣстахъ, на столько, быть можетъ, выигрываемъ ровностью изложенія.

Всѣ остальные поэты остаются далеко позади. Макра и Лукреція слѣдуетъ, пожалуй, прочесть, но не для выработки слога, души краснорѣчія. У нихъ обоихъ есть вкусъ въ обработкѣ сюжета; но одинъ слишкомъ простъ, другой—труденъ для пониманія.

Атакецъ Варронъ составилъ себѣ имя своими переводами. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ очень высоко, но не достаточно богатъ, чтобы способствовать развитію ораторскаго таланта.

Еннія мы должны уважать какъ старыя священныя рощи, гдѣ гигантскіе, вѣковые дубы возбуждаютъ не столько эстетическое чувство, сколько религіозное.

Остальные поэты ближе стоятъ къ Вергилію и болѣе полезны для выполненія нашей задачи. Овидій, правда, не обходится безъ шутокъ даже въ эпосѣ и черезчуръ влюбленъ въ свой талантъ, но, мѣстами, его нельзя не похвалить.

Корнелій Северъ справедливо имѣлъ бы право на второе мѣсто между эпиками, хотя онъ болѣе талантливый версификаторъ, нежели поэтъ,—если-бы только, какъ было говорено выше, докон-

чилъ описаніе Сицилійской войны по образцу первой книги своего труда.

Таланту Серрана развиться окончательно помѣшала ранняя смерть; но его юношескія произведенія говорятъ объ его далеко недюжинномъ дарованіи и, въ особенности, объ удивительномъ въ его годы стремленіи къ правильности слога.

Много потеряли мы недавно въ лицѣ Валерія Флакка.

Салей Бассъ—сильный поэтическій талантъ, но не созрѣвшій окончательно даже въ годы старости.

Въ свободное время можно познакомиться съ Рабиріемъ и Педономъ.

Луканъ пылокъ, горячъ; въ немъ много блестящихъ мыслей; но, говоря откровенно, подражать ему слѣдуетъ скорѣй ораторамъ, нежели поэтамъ.

Я кончилъ свой перечень. Августа Германика я не помѣстилъ потому, что заботы по управленію огромною имперіей заставили его отказаться отъ избранныхъ было имъ занятій; боги слишкомъ мало заботились сдѣлать его величайшимъ изъ поэтовъ. Однако-жъ можно ли найти что либо болѣе возвышеннаго, ученаго, вообще, болѣе совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, нежели его произведенія, написанныя молодымъ человѣкомъ, великодушно отказавшимся отъ власти? Могъ ли бы кто поэтому лучше воспѣть войны, чѣмъ тотъ, кто велъ ихъ съ такою славой? Кого съ большимъ интересомъ стали бы слушать богини-покровительницы ученыхъ занятій? Кого съ большей охотой познакомила бы съ своимъ искусствомъ родственная ему богиня Минерва? Въ будущемъ объ этомъ станутъ говорить подробнѣе,—теперь слава его какъ писателя омрачена блескомъ другихъ дарованій. Все-же, цезарь, позволь мнѣ, литератору, не обойти этого молчаніемъ и отнести къ тебѣ, по крайней мѣрѣ, стихъ Вергилія:

Вмѣстѣ съ побѣднымъ лавромъ обвиваетъ тебя плющъ.

Съ греками мы можемъ поспорить и въ области элегіи. Самымъ выдающимся и изящнымъ ея представителемъ я считаю Тибулла. Нѣкоторые отдаютъ предпочтеніе Проперцію. Овидій болѣе шутливъ въ сравненіи съ обоими ими, какъ Галлъ—серьезенъ.

Зато сатира всецѣло принадлежитъ намъ. Величайшій ея представитель — Луцилій, у котораго до сихъ поръ еще находятся настолько жаркіе поклонники, что готовы предпочесть его не только писателямъ его направленія, но и всѣмъ поэтамъ вообще. Я расхожусь здѣсь во взглядахъ съ ними столько-же, сколько съ Гораціемъ, по мнѣнію котораго Луцилій похожъ на «мутный источникъ, въ которомъ есть кое-что, что можно было-бы

удалить, какъ дурное»: у него замѣчательная эрудиція, непринужденность, а оттуда желчь и блестящее остроуміе.

Много изящнѣе и много чище его Горацій; въ сатирѣ ему принадлежитъ первое мѣсто, если только я не пристрастенъ изъ симпатіи къ нему. Не мало заслуженныхъ похвалъ пріобрѣлъ Персій, хотя издалъ лишь одинъ томъ сатиръ.

Замѣчательные сатирики есть и въ настоящее время. Рано или поздно они найдутъ себѣ оцѣнку.

Другой видъ сатиры и притомъ болѣе древній, не основанный исключительно на соединеніи различныхъ стихотворныхъ размѣровъ, былъ художественно обработанъ Теренціемъ Варрономъ, величайшимъ римскимъ ученымъ. Имъ написана масса книгъ очень ученаго характера. Глубокій знатокъ латинскаго языка и всей древней исторіи, какъ греческой, такъ и нашей, онъ однако способенъ принести больше пользы въ качествѣ ученаго, нежели стилиста.

Ямбъ не былъ разрабатываемъ римлянами, какъ особый видъ поэтическихъ произведеній; но нѣкоторые пишутъ имъ въ сборникахъ стихотвореній смѣшаннаго размѣра. Образцами его желчнаго характера могутъ служить Катуллъ, Бибакулъ и Горацій, хотя ямбъ здѣсь чередуется съ эподами.

Но изъ лириковъ надо читать почти исключительно того-же Горація,—иногда онъ поднимается до вдохновенія, полонъ красоты и граціи; у него есть разнообразіе фигуръ и замѣчательно удачная смѣлость въ выборѣ выраженій.

Кто хочетъ, можетъ прибавить недавно скончавшагося Цэзія Басса; но его оставляютъ далеко за собой таланты, живущіе въ настоящее время.

Изъ числа трагиковъ старой школы Аттій и Пакувій могутъ считаться лучшими, по глубинѣ мысли, силѣ выраженій и величію характеровъ. Если ихъ пьесы страдаютъ подчасъ небрежностью въ слогѣ и окончательной отдѣлкѣ, вина лежитъ, мнѣ кажется, скорѣе на требованіяхъ ихъ эпохи, нежели на нихъ самихъ. Все-же лица, выдающія себя за образованныхъ критиковъ, считаютъ Аттія болѣе сильнымъ талантомъ; у Пакувія находятъ больше ученаго вкуса.

Съ другой стороны, «Тіестъ» Варія въ состояніи выдержать сравненіе съ любою изъ греческихъ трагедій. «Медея» Овидія доказываетъ, на мой взглядъ, какъ много можно было-бы ожидать отъ этого автора, если-бъ онъ предпочелъ управлять своимъ геніемъ, нежели отдаваться ему.

Изъ числа тѣхъ, кого я могъ-бы видѣть лично, Помпоній

Секундъ безспорно лучшій трагикъ. Старики считали его, конечно, плохимъ трагикомъ, но не могли отказать ему въ блестящей эрудиціи и чистотѣ слога.

Въ комедіи мы совсѣмъ хромаемъ. Ничто не мѣшаетъ Варрону приводить афоризмъ Элія Стилона, что, «если-бъ музы вздумали говорить по-латыни, онѣ заговорили-бы языкомъ Плавта»; ничто не мѣшаетъ древнимъ горячо хвалить Цэцилія; ничто не мѣшаетъ считать авторомъ комедій Теренція — Сципіона Африканскаго (комедій, которыя, впрочемъ, чрезвычайно изящны въ своемъ родѣ и пользовались-бы еще большею любовью, если-бъ были написаны исключительно триметромъ), однако-жъ мы достигли лишь слабаго подобія греческихъ образцовъ. Мнѣ кажется даже, самъ латинскій языкъ неспособенъ усвоить себѣ прелесть, соединенную исключительно съ аттицизмомъ, если ужъ сами греки не могли достичь ея, когда выражались другими діалектами.

Въ Fabula togata почетное мѣсто занимаетъ Афраній. Если-бъ только онъ, выводя на сцену педерастовъ и обличая свои наклонности, не производилъ дурного впечатлѣнія!

Напротивъ, въ области исторіи мы не уступаемъ грекамъ. Я не боюсь противопоставить Ѳукидиду — Саллюстія, какъ Геродотъ не счелъ-бы оскорбительнымъ для себя стать на ряду съ Титомъ Ливіемъ, который замѣчательно пріятный разсказчикъ и необычайно ясенъ, въ свою очередь, въ своихъ рѣчахъ—краснорѣчивъ болѣе, чѣмъ можно выразить словами: такъ мастерски проведено отношеніе между всѣми фактами и дѣйствующими лицами его разсказа. Ни одинъ историкъ не могъ—выражаюсь крайне осторожно—лучше передать аффекты, въ особенности тихіе. Такимъ образомъ онъ сумѣлъ необыкновенную живость языка Саллюстія наверстать достоинствами разнообразнаго характера. Вотъ почему я нахожу крайне удачнымъ выраженіе Сервилія Ноніана, что они скорѣе равны, нежели похожи. Ноніанъ, котораго я даже лично слушалъ, былъ человѣкомъ свѣтлаго ума, глубокимъ мыслителемъ, но краткимъ менѣе, чѣмъ того требуетъ серьезный предметъ исторіи.

Послѣднее понялъ какъ нельзя лучше жившій нѣсколько раньше него Бассъ Авфидій. По крайней мѣрѣ, описывая въ нѣсколькихъ книгахъ Германскую войну, онъ, въ общемъ, заслужилъ похвалу за свой слогъ, хотя въ другихъ изъ своихъ сочиненій стоитъ ниже своего таланта.

Остается назвать писателя, живущаго до сихъ поръ, гордость нашего вѣка и достойнаго памяти потомства. Теперь мы можемъ только намекнуть о немъ; но позже его назовутъ по имени.

Поклонники находятся и притомъ не безъ основанія, и у Кремуція, не смотря на то, что сокращеніе его сочиненій послужило къ невыгодѣ для него. Но и въ томъ, что̀ осталось, виденъ высокій полетъ мысли и смѣлость выраженія.

Есть и другіе талантливые историки; но мы даемъ краткій обзоръ различныхъ родовъ чтенія, а не роемся въ пыли библіотекъ.

Если кто вознесъ римское краснорѣчіе на одну высоту съ греческимъ, то, главнымъ образомъ, едва-ли не ораторы,—Цицерона, напримѣръ, я смѣло противопоставлю любому изъ грековъ. Я отлично понимаю, какую ненависть возбуждаю я противъ себя, въ особенности если, въ данную минуту, сравненіе его съ Демосѳеномъ не входитъ въ цѣли моего сочиненія. Для насъ это совершенно безразлично,—по моему убѣжденію, Демосѳена слѣдуетъ читать предпочтительно предъ другими или-же, еще лучше, учить наизусть. Мнѣ кажется, у нихъ есть общее въ отношеніи большинства ихъ достоинствъ—ума, плана, системы дѣленія на части, вступленія и доказательствъ, короче, всего, что̀ относится къ изобрѣтательности. Въ стилѣ ихъ есть небольшая разница: одинъ кратокъ, другой—не скупится на слова, періоды одного сжаты, другого—длинны, одинъ сражается всегда съ оружіемъ разсудка въ рукахъ, другой часто и серьезностью; у одного нельзя ничего отнять, къ другому ничего прибавить; въ одномъ видно большое стараніе, въ другомъ—врожденный талантъ. Въ отношеніи смѣха и возбужденія сострадавія, двухъ самыхъ главныхъ аффектовъ, мы, во всякомъ случаѣ, стоимъ выше грековъ. Быть можетъ, въ силу соблюдавшагося въ Аѳинахъ правила, у Демосѳена нѣтъ эпилоговъ. Но разница между особенностями латинскаго и греческаго языковъ не позволяетъ и намъ вполнѣ усвоить качества, заслуживавшія удивленіе аѳинянъ. Что касается писемъ, которыя остались намъ отъ Демосѳена и Цицерона, или діалоговъ,—которыхъ первый не писалъ вовсе—споровъ не можетъ быть никакихъ. Намъ, впрочемъ, необходимо согласиться, что Демосѳенъ жилъ раньше и во многомъ способствовалъ Цицерону сдѣлаться такимъ, какимъ онъ есть. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что М. Туллій Цицеронъ усвоилъ себѣ, какъ горячій поклонникъ всего греческаго, силу Демосѳена, богатство языка Платона и грацію Исократа. Тѣмъ не менѣе онъ не только заимствовалъ путемъ прилежнаго изученія лучшее въ каждомъ изъ нихъ, но и самъ выказалъ въ поражающемъ богатствѣ большинство или, вѣрнѣе, всѣ хорошія стороны своего безсмертнаго генія. Выражаясь словами Пиндара, онъ собираетъ

«не дождевую воду, но течетъ клокучащей быстрой рѣкою». Провидѣніе послало его на землю для того, чтобы въ лицѣ его воплотилась вся сила краснорѣчія. Кто въ состояніи болѣе мастерски излагать дѣло или сильнѣй трогать за сердце? Было-ли у кого когда либо столько граціи? Если даже онъ настаиваетъ, можно думать, что онъ проситъ; хотя онъ силой влечетъ за собой сбитаго съ толку судью, но, кажется, онъ не тянетъ его за собой, а тотъ слѣдуетъ добровольно. Далѣе, каждое его слово такъ убѣдительно, что стыдно расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ; въ немъ видишь не добросовѣстнаго адвоката, а заслуживающаго вѣры свидѣтеля или судью,—между тѣмъ все, что другой можетъ понять съ величайшими усиліями едва по одиночкѣ, течетъ безъ малѣйшаго напряженія, при чемъ рѣчь, прекраснѣе которой никто никогда не слыхалъ, поражаетъ своею простотой. Вотъ почему его современники не безъ основанія называли его «царемъ судовъ», такъ что съ тѣхъ поръ имя Цицерона съ живого лица перенесено на самое краснорѣчіе. Обратимъ-же на него свое вниманіе; пусть для насъ онъ служитъ идеаломъ. Кто горячо полюбитъ Цицерона, пусть знаетъ, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ изученіи краснорѣчія.

У Азинія Полліона много находчивости, замѣчательно старательная отдѣлка,—вслѣдствіе чего многимъ она кажется даже лишнею—достаточно симметріи и фантазіи; но у него мало чистоты языка и граціи Цицерона; точно онъ жилъ цѣлымъ столѣтіемъ раньше.

Напротивъ, ясный для пониманія и изящный Мессала въ извѣстной степени доказываетъ своимъ стилемъ свою благородную душу; но силы въ немъ мало.

Зато Гай Цезарь, не кто другой изъ нашихъ ораторовъ, могъ-бы выступить соперникомъ Цицерона, если-бъ посвятилъ себя исключительно юридической практикѣ,—столько въ немъ силы, столько остроумія, столько огня, что, очевидно, онъ говорилъ съ такимъ-же воодушевленіемъ, съ какимъ сражался. И все это украшено замѣчательно изящнымъ слогомъ,—надъ чѣмъ онъ работалъ особенно много.

Много ума и, въ особенности, много ѣдкости въ качествѣ обвинителя—у Цэлія, личности, заслуживавшей лучшаго характера и болѣе долгой жизни.

Я зналъ лицъ, предпочитавшихъ всѣмъ Кальва, зналъ и раздѣлявшихъ мнѣніе Цицерона, что онъ потерялъ свою свѣжесть, благодаря излишней строгости къ себѣ. Тѣмъ не менѣе стиль его торжественъ, серьезенъ, выдержанъ и часто даже эффектенъ.

Онъ подражаетъ аттической школѣ. Преждевременная его смерть повредила ему, если только онъ намѣренъ былъ идти впередъ.

Сервій Сульпицій совершенно справедливо пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность тремя своими рѣчами.

Когда читать съ толкомъ Кассія Севера, въ немъ найдется много заслуживающаго подражанія. Если-бъ онъ вмѣстѣ съ другими достоинствами соединялъ, въ своихъ рѣчахъ, соотвѣтствующую окраску и серьезность, его слѣдовало-бы помѣстить въ ряду выдающихся ораторовъ,—въ немъ бездна ума, замѣчательно злой языкъ, изящество и воодушевленіе; но онъ дѣйствовалъ чаще подъ вліяніемъ личнаго озлобленія, нежели разсудка. Кромѣ того, если шутка и горька, часто эта самая горечь вызываетъ только улыбку.

Есть много другихъ талантливыхъ ораторовъ; но было бы долго перечислять ихъ. Изъ тѣхъ, кого я зналъ лично, Домицій Афръ и Юлій Африканъ оставляютъ позади себя всѣхъ. Первый заслуживаетъ предпочтенія своею техникой и общимъ характеромъ своего стиля; его смѣло можно включить въ число ораторовъ старой школы. Второй—живѣе, но педантиченъ въ выборѣ выраженій, иногда слишкомъ длиненъ въ композиціи и злоупотребляетъ метафорами.

Выдающіеся таланты были у насъ и въ недавнее время, напримѣръ, Трахалъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ торжественъ, довольно понятенъ; въ немъ видно желаніе подражать лучшимъ образцамъ; но его лучше было слушать: это былъ самый пріятный голосъ, какой только я встрѣчалъ. Произношеніе его годилось хоть для сцены, какъ и его фигура; вообще, вся его внѣшность производила впечатлѣніе чего-то законченнаго.

Вибій Криспъ ясенъ, пріятенъ, какъ-бы предназначенъ для возбужденія эстетическаго чувства, тѣмъ не менѣе былъ на своемъ мѣстѣ скорѣй въ гражданскихъ процессахъ, нежели въ уголовныхъ.

Юлій Секундъ, если-бъ только не умеръ рано, безъ сомнѣнія оставилъ-бы въ потомствѣ имя одного изъ выдающихся ораторовъ: къ многочисленнымъ хорошимъ сторонамъ своего таланта онъ прибавилъ бы—онъ продолжалъ прибавлять и такъ—то, чего ему не доставало, т. е. выступалъ-бы гораздо болѣе подготовленнымъ къ дѣлу и обращалъ вниманіе чаще на содержаніе, чѣмъ на форму. Хотя онъ умеръ преждевременно, онъ всетаки заслуживаетъ почетнаго мѣста, — столько въ немъ истиннаго краснорѣчія, столько умѣнья выразить то, что хотѣлъ, столько ясности, плавности и красоты въ его стилѣ, такое мастерство называть

каждую вещь своимъ именемъ, столько силы даже въ нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ!

Авторы, которымъ придется послѣ меня писать объ ораторскомъ искусствѣ, найдутъ матеріалъ для справедливыхъ похвалъ по адресу нынѣшнихъ ораторовъ, — выдающіеся таланты, съ честью занимающіеся юридическою практикой, есть и въ настоящее время. Уже отличные адвокаты сами стараются стать на одинъ уровень съ представителями древней школы, и они-же находятъ горячихъ подражателей и поклонниковъ лучшихъ образцовъ — въ лицѣ молодежи.

Остается еще сказать о философахъ. До сихъ поръ римская литература дала очень мало хорошихъ стилистовъ въ этомъ направленіи. Тотъ-же М. Туллій Цицеронъ является и въ этомъ отдѣлѣ, какъ и вездѣ, подражателемъ Платона.

Очень хорошъ, гораздо лучше, чѣмъ въ своихъ рѣчахъ, — Брутъ. Содержаніе у него облечено въ соотвѣтствующую форму; чувствуешь, что онъ переживаетъ то, о чемъ говоритъ.

Корнелій Цельзъ оставилъ цѣлый рядъ произведеній, гдѣ является послѣдователемъ школы Секстіевъ. Ему нельзя отказать въ тщательной отдѣлкѣ и ясности.

Плавтъ можетъ служить для знакомства съ стоической философіей. Изъ числа эпикурейцевъ Катій—второстепенный, но не лишенный пріятности писатель.

Перечисляя различнаго рода образцы краснорѣчія, я нарочно молчалъ о Сенекѣ, вслѣдствіе распускаемыхъ обо мнѣ ложныхъ слуховъ, будто я отношусь къ нему отрицательно и даже былъ его личнымъ врагомъ. Слухъ этотъ распускаютъ про меня потому, что я хочу направить нашъ вычурный и обезображенный всевозможными неправильностями стиль къ требованіямъ болѣе строгаго вкуса, между тѣмъ почти одного Сенеку и брала тогда въ руки молодежь. Я не думалъ совершенно изгонять его изъ предметовъ чтенія, но и не желалъ позволять предпочитать его болѣе талантливымъ писателямъ, которыхъ онъ не переставалъ преслѣдовать своими нападками, сознавая разницу своего стиля съ ихъ стилемъ и не надѣясь нравиться, какъ стилистъ, тѣмъ, кому нравились они. Впрочемъ, его скорѣе любили, нежели подражали ему, и столько же удалялись отъ него, сколько самъ онъ расходился съ авторами старой школы. Слѣдовало-бы пожелать только, чтобы они старались сравняться съ нимъ или, по крайней мѣрѣ, подойти къ нему какъ можно ближе; но имъ нравились исключительно отрицательныя его стороны; каждый лѣзъ изо всѣхъ силъ, чтобы брать примѣръ съ него въ этомъ отношеніи. Если

затѣмъ всякій хвастался, что пишетъ стилемъ Сенеки, онъ лишь унижалъ его. Но въ немъ было и много крупныхъ достоинствъ,— выдающійся легко изобрѣтательный умъ, масса эрудиціи, обширное знакомство съ предметомъ, при чемъ, однако, онъ подчасъ ошибался, по винѣ лицъ, которымъ поручалъ дѣлать изысканія въ той или другой области знанія. Онъ разработывалъ почти всѣ виды литературныхъ произведеній,—отъ него остались рѣчи, стихотворенія, письма и діалоги. Какъ философъ, онъ недостаточно вдумчивъ, но въ роли обличителя пороковъ превосходенъ. У него масса прекрасныхъ сентенцій; многое можно читать у него изъ нравственныхъ цѣлей; но, какъ стилистъ, онъ очень часто неправиленъ, и—что всего хуже—недостатки его скрыты сплошь и рядомъ подъ красивою внѣшностью. Можно было-бы пожелать, чтобы онъ съ бо́льшимъ вкусомъ выражалъ свои блестящія мысли,— если-бъ онъ не обращалъ вниманія на одно и не гнался за тѣмъ, что мало полезно; если-бъ не былъ влюбленъ во все свое; если-бъ не портилъ серьезнаго содержанія, облекая его въ форму крайне короткихъ сентенцій, онъ нашелъ-бы поклонниковъ себѣ скорѣй въ лицѣ всѣхъ компетентныхъ критиковъ, нежели въ увлекающихся имъ мальчишкахъ. Тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ рекомендовать для чтенія людямъ уже зрѣлымъ и достаточно усвоившимъ себѣ болѣе строгій стиль, — хотя-бы потому, что онъ можетъ служить образцомъ достоинствъ и недостатковъ. Какъ я замѣтилъ выше, многое въ немъ заслуживаетъ похвалы, многому даже нельзя не удивляться; нужно только быть осторожнѣе при выборѣ, чего, къ сожалѣнію, онъ не сдѣлалъ самъ,—его талантъ, который добивался, чего хотѣлъ, заслуживалъ быть направленнымъ въ лучшую сторону.

II. Изъ этихъ и другихъ стоющихъ чтенія авторовъ слѣдуетъ заимствовать и необходимый запасъ словъ, и разнообразіе фигуръ, и методъ композиціи; затѣмъ надо обращать вниманіе на образецъ, соединяющій въ себѣ достоинства всякаго рода,—нельзя сомнѣваться, что подражаніе составляетъ существенную часть нашего искусства. Если инвенція остается первой и главной,— съ другой стороны, полезно слѣдовать тому, что удачно найдено. Да и во всей нашей жизни бываетъ обыкновенно, что сами мы дѣлаемъ то, что́ намъ нравится въ другихъ. Дѣти, напримѣръ, чтобы научиться писать, выводятъ буквы; музыканты стараются пѣть въ одинъ тонъ съ учителемъ; художникъ ставитъ себѣ образцомъ—работы своихъ предшественниковъ, крестьяне— испытанную на опытѣ систему обработки почвы; вообще, мы видимъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, что первые шаги сообразуются

съ взятымъ за образецъ правиломъ. И, въ самомъ дѣлѣ, намъ необходимо быть или близкими, или далекими отъ идеала. Близость природа даетъ рѣдко, подражаніе—часто. Но подражаніе же, много облегчая намъ поведеніе во всемъ,—въ сравненіи съ тѣми, у кого не было примѣра передъ глазами, — въ состояніи повредить, если имъ пользоваться неосторожно и неблагоразумно. Значитъ, подражаніе, прежде всего, не принесетъ пользы само по себѣ уже по одному тому, что лѣнивый умъ довольствуется результатами чужихъ открытій. Что было-бы въ ту эпоху, когда не было руководящаго образца, если-бъ люди не пришли къ мысли, что имъ надо дѣлать или думать дальше того, что они уже знали?—Разумѣется, тогда не было-бы сдѣлано никакихъ новыхъ открытій. Такъ почему-же намъ нельзя стараться найти то, что до сихъ поръ не было извѣстнымъ? Если наши невѣжественные предки, единственно путемъ врожденнаго имъ ума, могли сдѣлать цѣлый рядъ открытій,—неужели мы не рѣшимся отправиться на поиски прямо на основаніи того, что, какъ мы знаемъ навѣрно, они достигли цѣли своихъ поисковъ? Если, затѣмъ, они, не имѣя учителя ни въ чемъ, завѣщали потомству очень многое, неужели мы не воспользуемся своимъ знакомствомъ съ однимъ, чтобы вызвать на свѣтъ другое, а станемъ пользоваться лишь чужимъ благодѣяніемъ, по примѣру нѣкоторыхъ художниковъ, заботящихся о томъ только, чтобы копировать чужія картины съ точностью до послѣдней линіи и штриха? Да и стыдно довольствоваться лишь удачной копіей съ оригинала. Повторяю, что́ было-бъ, если-бы никто не старался сдѣлать шага впередъ, какъ и тотъ, кому онъ подражалъ?—Въ поэзіи мы не ушли-бы дальше Ливія Андроника, въ исторіи—дальше «Анналъ» понтификовъ; мы до сихъ поръ плавали-бы на плотахъ, въ живописи вычерчивали-бы лишь контуры предметовъ при солнечномъ освѣщеніи. Когда пересчитать всѣ отрасли знаній, не найдется ни одной, которая оставалась-бы такою-же съ самаго начала и не развивалась съ первыхъ шаговъ, если только, конечно, нашъ вѣкъ не осужденъ на полное вырожденіе, вслѣдствіе чего уже теперь не можетъ быть новыхъ побѣговъ,—путемъ исключительно подражанія не выростаетъ ничего. Разъ къ старому нельзя ничего прибавить, какимъ-же образомъ можемъ мы разсчитывать видѣть нашего идеальнаго оратора, если въ ряду тѣхъ, кого мы до сихъ поръ считали лучшими, не нашлось ни одного, въ которомъ не было-бы ничего недостающаго или заслуживающаго порицанія? Но и тѣ, кто старается достичь совершенства, должны скорѣй бороться, нежели слѣдовать рабски,—кто хочетъ быть

первымъ, если, быть можетъ, и не превзойдетъ другого, то, по крайней мѣрѣ, сравняется съ нимъ; но никто не въ состояніи сравняться съ тѣми, по чьимъ слѣдамъ онъ рѣшилъ идти неуклонно,—кто идетъ слѣдомъ, всегда долженъ отставать. Прибавьте еще, что обыкновенно бываетъ легче сдѣлать больше, чѣмъ то же самое: такъ трудно достичь сходства, что даже сама природа въ этомъ отношеніи оказалась безсильной уничтожить всякое различіе и въ самыхъ простыхъ вещахъ и какъ-бы совершенно равныхъ. Прибавьте затѣмъ, что всякій объектъ, похожій на другой, стоитъ ниже предмета, которому подражаетъ, напримѣръ, тѣнь — тѣла, рисунокъ—живого лица, игра актеровъ — настоящихъ аффектовъ. Тоже происходитъ и въ отношеніи ораторскихъ рѣчей: въ тѣхъ, которыя мы беремъ за образецъ, есть жилка неподдѣльнаго таланта и истинная сила, напротивъ, подражаніе — всегда что-то дѣланное и принаровлено къ чужимъ требованіямъ. Вотъ почему въ декламаціяхъ меньше огня и энергіи, нежели въ настоящихъ рѣчахъ, — въ однѣхъ тема реальна, въ другихъ — искусственна. Прибавьте далѣе, что величайшимъ достоинствамъ оратора,—таланту, изобрѣтательности, энергіи, легкости, — нельзя подражать, какъ и вообще всему, чему не въ состояніи научить школа. Многіе думаютъ, между тѣмъ, выхвативъ изъ рѣчи отдѣльныя выраженія или нѣсколько стиховъ изъ цѣлаго, что замѣчательно талантливо подражаютъ прочитанному, тогда какъ слова могутъ, отъ времени, или входить въ употребленіе или выходить, потому что лучшимъ правиломъ для ихъ употребленія служитъ обычай. Лично они ни хороши, ни дурны,—сами по себѣ они только звуки—все зависитъ отъ удачной, соотвѣтствующей постановки ихъ и наоборотъ; композиція-же должна соотвѣтствовать содержанію, въ свою очередь, выигрывая въ красотѣ, благодаря преимущественно разнообразію. Вотъ почему слѣдуетъ самымъ внимательнымъ образомъ заняться этимъ отдѣломъ нашего сочиненія.

Прежде всего, какимъ авторамъ слѣдуетъ намъ подражать, — очень многіе брали за образецъ самое дурное и извращенное — затѣмъ, что есть заслуживающаго подражанія въ томъ самомъ, на чемъ мы остановили свой выборъ: даже у великихъ писателей есть недостатки и стороны, относительно которыхъ напрасно спорятъ между собою и компетентные судьи. Было-бы прекрасно, если-бъ подражающіе хорошимъ образцамъ выражались еще лучше, какъ, подражая дурнымъ, выражаются хуже ихъ. Но и тѣ, у кого есть достаточно критическаго взгляда, чтобы избѣжать недостатковъ, не должны довольствоваться лишь поверхност-

нымъ усвоеніемъ одной, если можно выразиться, оболочки или, вѣрнѣе, фигуръ, которыя, по ученію Епикура, выходятъ изъ поверхности тѣлъ. Это происходитъ съ тѣми, кто, не вникая глубоко во внутреннія красоты сочиненія, стараются держаться его стиля, какъ бы подъ первымъ впечатлѣніемъ. Если подражаніе идетъ во всѣхъ отношеніяхъ удачно, они въ употребленіи словъ и ритмѣ мало чѣмъ отличаются отъ своего образца, но не достигаютъ его силы и изобрѣтательности. Въ большинствѣ же случаевъ они приходятъ еще къ болѣе неутѣшительнымъ результатамъ, восхищаются недостатками, очень близко стоящими къ достоинствамъ и дѣлаются вмѣсто торжественныхъ—напыщенными, вмѣсто ясныхъ—сухими, смѣлыхъ—дерзкими, шутливыхъ—циниками, стройныхъ въ изложеніи—цвѣтистыми, простыхъ—небрежными. Поэтому лица, употребляющія нѣкоторыя даже нескладныя и неудачныя ихъ выраженія,—придавая имъ безжизненную и безсодержательную форму, считаютъ себя равными писателямъ старой школы. У кого періоды темны, благодаря своей краткости, стоитъ, въ своемъ мнѣніи, выше Саллюстія и Ѳукидида; сухіе педанты спорятъ о первенствѣ съ Полліономъ, лѣнивые болтуны—божутся, что такъ выразился бы самъ Цицеронъ, стоитъ только имъ подробнѣе высказать свою мысль. Я зналъ лицъ, по мнѣнію которыхъ они превосходно сумѣли выдержать стиль этого неподражаемаго оратора... заканчивая свои періоды словами esse videatur...

Необходимо, прежде всего, знать, чему долженъ подражать каждый, и затѣмъ уже дать себѣ отчетъ, почему оно прекрасно. Далѣе, надо, берясь за дѣло, обращать вниманіе на свои силы. Есть вещи, подражать которымъ не позволяетъ слабость нашей природы или мѣшаетъ—разница въ талантахъ. Талантъ, способный описывать сцены мягкаго характера, не долженъ выбирать что либо смѣлое и рѣзкое; у кого рѣшительный характеръ, но не выдержанный, изъ любви къ безыскусственному стилю можетъ потерять свою силу, при чемъ не достигнетъ ясности, къ которой стремится. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ выражать пріятное—въ грубой формѣ. Конечно, я думалъ, что учитель, которому я давалъ совѣты во второй книгѣ своего труда, станетъ проходить не только то, къ чему, по его мнѣнію, способенъ каждый изъ его учениковъ. Онъ долженъ помогать развитію всѣхъ замѣчаемыхъ имъ въ нихъ хорошихъ сторонъ, по мѣрѣ силъ пополнять, чего въ нихъ нѣтъ, а нѣкоторое исправлять и измѣнять, — онъ долженъ направлять чужіе таланты и образовывать ихъ. Но перемѣнить свою природу—труднѣе. Тѣмъ не менѣе нашъ учитель,

при всемъ своемъ желаніи видѣть въ своихъ слушателяхъ все хорошее въ его полномъ выраженіи, не долженъ трудиться напрасно тамъ, гдѣ, какъ онъ видитъ, стоитъ поперекъ дороги природа. Намъ не слѣдуетъ, кромѣ того, — въ этомъ отношеніи ошибаются многіе—держаться мнѣнія, что въ ораторской рѣчи намъ необходимо подражать стилю поэтовъ и историковъ, какъ имъ—стилю ораторовъ или декламаторовъ. Въ каждомъ видѣ литературныхъ произведеній есть свои законы, свои собственныя красоты. Въ комедіи неумѣстна серьезность, какъ къ трагедіи не идетъ шутливый тонъ. Однако-жъ краснорѣчіе во всѣхъ своихъ видахъ имѣетъ что то общее, и этому общему мы должны подражать. Лица, избравшія себѣ исключительно какой-либо отдѣлъ литературы, часто приходятъ къ печальному результату, если, восторгаясь чьимъ либо рѣзкимъ тономъ, не разстаются съ нимъ даже въ такихъ процессахъ, гдѣ нужно выражаться мягко и сдержанно; если же имъ понравится языкъ изящный и простой, онъ мало соотвѣтствуетъ важности предмета, въ процессахъ сложныхъ и серьезныхъ.

Существуетъ различіе не только между характерами процессовъ, но и между отдѣльными частями рѣчи; объ одномъ надо говорить мягко, о другомъ — рѣзко; объ одномъ—горячо, о другомъ—спокойно; одно — съ цѣлью объясненія, другое—съ цѣлью возбудить страсти; для каждаго случая есть свои правила, не имѣющія между собой ничего общаго. Вотъ почему я отнюдь не посовѣтывалъ бы избирать себѣ спеціально одного автора и слѣпо держаться его. Изъ греческихъ—Демосѳену принадлежитъ далеко первое мѣсто; но, если почти вездѣ онъ лучше прочихъ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ въ какомъ-либо отношеніи преимущество необходимо отдать другимъ. Кто заслуживаетъ большаго подражанія, вовсе не долженъ быть исключительно заслуживающимъ подражанія. Но мнѣ скажутъ: что-жъ, развѣ не достаточно выражаться всегда такъ, какъ говорилъ М. Туллій Цицеронъ?.. Я, по крайней мѣрѣ, былъ бы доволенъ, если-бъ могъ походить на него во всемъ; но что же было бы дурного стараться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заимствовать силу—у Цезаря, ѣдкость—у Цэлія, точность—у Полліона, здравые взгляды—у Кальва? Не говоря уже о томъ, что человѣкъ благоразумный долженъ, по возможности, заимствовать во всемъ лучшее, въ такомъ трудномъ дѣлѣ ему возможно достичь успѣха едва въ одномъ отношеніи, разъ онъ станетъ обращать вниманіе на одного только автора. Значитъ, если человѣку почти немыслимо держаться во всемъ избраннаго имъ образца, будемъ имѣть у себя передъ глазами хорошія стороны

нѣсколькихъ авторовъ, чтобы, взявъ отъ одного одно, отъ другого другое, воспользоваться каждымъ въ своемъ мѣстѣ. Но подражать — это я намѣренъ повторить не разъ — слѣдуетъ не исключительно словамъ. Необходимо обращать вниманіе больше на то, какой благоразумной мѣры держались ораторы, описывавшіе событія или отдѣльныхъ лицъ; какого они держались плана, порядка; на то, наконецъ, что все, даже кажущееся съ перваго взгляда сказаннымъ для краснаго словца, имѣетъ цѣлью выигрышъ дѣла; далѣе, надо обращать вниманіе, о чемъ говорится въ приступѣ, какого метода держатся въ разсказѣ, какъ онъ разнообразенъ, какъ сильны доказательства и опроверженія, какое искусство въ возбужденіи аффектовъ всякаго рода и какимъ образомъ заслужить похвалы большой публики, въ интересахъ самаго процесса, похвалы, которыя хороши всего болѣе тогда, когда искренны, а не вызваны искусственно. Если мы будемъ знать это заранѣе, наше подражаніе будетъ раціональнымъ. Но кто присоединитъ сюда и свои собственныя хорошія стороны, пополняя то, чего не достаетъ, или убавляя лишнее, будетъ идеальнымъ ораторомъ, предметомъ нашихъ исканій. Это слѣдовало бы осуществить вполнѣ въ настоящее время, когда у насъ гораздо больше образцовъ хорошаго краснорѣчія, чѣмъ ихъ выпало на долю тѣхъ, кого до сихъ поръ считаютъ лучшими. Для нихъ будетъ слава въ одномъ уже томъ, что про нихъ скажутъ: они превзошли своихъ предшественниковъ и были учителями потомковъ...

III. До сихъ поръ рѣчь шла о пособіяхъ, которыя можно имѣть со стороны. Между тѣми, которыми мы должны вооружиться сами, далеко первое мѣсто занимаютъ стилистическія упражненія, какъ въ отношеніи трудности, такъ и въ отношеніи пользы. Не безъ основанія называетъ ихъ М. Туллій Цицеронъ «лучшимъ источникомъ и учителемъ краснорѣчія». Мнѣніе это онъ влагаетъ въ уста М. Красса въ своихъ діалогахъ De oratore, чтобы подкрѣпить свой взглядъ авторитетомъ выдающейся личности.

Итакъ, писать необходимо какъ можно больше и какъ можно старательнѣе. Чѣмъ глубже взрыхлена почва, тѣмъ большій урожай даютъ сѣмена и тѣмъ богаче ихъ питаніе: такъ и успѣхи, корни которыхъ не на поверхности земли, принесутъ болѣе обильные умственные плоды и вѣрнѣй сберегутъ ихъ. Безъ этого сознанія даже сама прославленная способность говорить экспромптомъ превратится лишь въ безсодержательную болтовню, рядъ словъ, собирающихся на губахъ. Здѣсь корни, здѣсь фундаментъ, здѣсь богатства, скрытыя въ своего рода секретномъ отдѣленіи

казначейства, откуда ихъ берутъ въ случаѣ неожиданности, когда требуютъ того обстоятельства.)

Прежде всего, однако, запасемся силами, соотвѣтствующими принимаемой нами тяжелой задачѣ, силами, которыя не должны уменьшаться отъ ихъ расходованія, — сама природа не желаетъ производить быстро на свѣтъ ничего большого; всякое прекрасное дѣло соединено съ трудностями. Даже въ отношеніи рожденій она постановила закономъ, чтобы болѣе крупныя животныя дольше оставались въ животѣ матери.

Но такъ какъ нашъ вопросъ распадается на двѣ половины, — какимъ образомъ писать и въ чемъ преимущественно состоятъ письменныя упражненія, я стану придерживаться этого порядка и въ отвѣтахъ.

Прежде всего, писать слѣдуетъ медленнѣе, но внимательнѣе. Надо умѣть находить лучшія выраженія и не довольствоваться сразу—попадающимися на глаза: необходимо подвергнуть найденное критическому испытанію и что̀ окажется хорошимъ ставить въ порядкѣ. Надо выбирать мысли и слова, какъ обращать вниманіе на значеніе каждаго слова въ отдѣльности. Затѣмъ слѣдуетъ сдѣлать правильную разстановку словъ и всячески стараться достичь благозвучія, — или каждое слово будетъ поставлено на первомъ попавшемся мѣстѣ. Съ цѣлью быть при этомъ внимательнѣй, должно чаще повторять послѣднія строчки написаннаго,—не говоря уже о томъ, что такимъ путемъ послѣдующее лучше связывается съ предыдущимъ, и «жаръ» мысли, который остываетъ во время остановокъ при писаніи, набирается свѣжими силами и какъ бы дѣлаетъ разбѣгъ,—два раза проходя одно и тоже пространство. Тоже самое мы наблюдаемъ и на состязаніяхъ въ бѣгѣ,—участники отступаютъ далеко назадъ и бѣгутъ затѣмъ къ мѣсту, откуда начинаютъ прыгать. Такъ и стрѣляя изъ лука, мы отводимъ руку назадъ и, въ моментъ выстрѣла, тянемъ тетиву къ себѣ.

Однако-жъ, при попутномъ вѣтрѣ, можно иногда и распустить паруса, лишь бы эта поблажка нѐ обманула насъ: намъ нравится все выходящее изъ подъ нашего пера, иначе мы и не писали бы. Все же мы должны снова приложить къ дѣлу критическій пріемъ и еще разъ пересмотрѣть написанное съ подозрительною легкостью. Такъ писалъ, какъ мы знаемъ, Саллюстій, и, безъ сомнѣнія, его кропотливую работу доказываетъ само его произведеніе. По словамъ Варія, и Вергилій писалъ ежедневно очень мало стиховъ. Конечно, ораторъ находится при другихъ условіяхъ —и эту медленность и недовѣріе къ себѣ я требую только отъ начинающихъ. Главнымъ образомъ намъ слѣдуетъ поста-

вить себѣ правиломъ и цѣлью—писать, по возможности, лучше; быстроту даетъ навыкъ. Мало по малу, мысли станутъ легче ложиться па бумагу; найдутся подходящія слова, явится композиція, короче, все будетъ дѣлать свое дѣло, какъ рабы въ хорошо поставленномъ хозяйствѣ.

Главное заключается вотъ въ чемъ: пиша быстро, нельзя научиться писать хорошо. Хорошо пиша — можно научиться писать скоро. Но въ то время, какъ у насъ явится навыкъ, мы должны всего больше сдерживаться, глядѣть впередъ и крѣпче держать вожжами несущихся во весь опоръ лошадей, — это не столько задержитъ насъ, сколько придастъ намъ новыя силы. Въ свою очередь, не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, отдавать на муки безполезнаго самобичеванія тѣхъ,у кого есть хоть сколько нибудь навыка въ отношеніи стиля. Какимъ образомъ въ состояніи они исполнить гражданскія обязанности, если посѣдѣли надъ изученіемъ — отдѣльныхъ частей процесса? Но есть и такіе люди, которые ничѣмъ не довольны, которые хотятъ все перемѣнить, все говорить иначе, чѣмъ это имъ пришло сразу въ голову, люди полные недовѣрія къ себѣ. Своему таланту они оказываютъ очень плохую услугу, если, ставя себѣ затрудненія въ работѣ, думаютъ видѣть въ этомъ свою старательность.

Трудно рѣшить, кто изъ нихъ, па мой взглядъ, ошибается грубѣе,—тѣ ли, кому нравится все свое, или тѣ, кому не нравится ничего. Даже съ даровитыми молодыми людьми бываетъ зачастую, что они сохнутъ надъ работой и, наконецъ, осуждаютъ себя на молчаніе, вслѣдствіе слишкомъ страстнаго желанія выражаться изящнымъ слогомъ.

Здѣсь я вспомнилъ, что́ разсказывалъ мнѣ извѣстный Юлій Секундъ, мой ровесникъ и, какъ всѣ знаютъ, близкій другъ, человѣкъ съ замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ, но черезчуръ требовательный къ себѣ. Онъ передалъ мнѣ относившіяся къ нему слова его дяди, Юлія Флора. Послѣдній считался лучшимъ ораторомъ въ Галліи — здѣсь онъ бралъ и уроки краснорѣчія — вообще, ораторомъ, какихъ мало, достойнымъ своего родственника. Замѣтивъ случайно Секунда, который тогда ходилъ еще въ школу, въ грустномъ настроеніи, онъ спросилъ, почему онъ такъ нахмурилъ свой лобъ? Молодой человѣкъ отвѣтилъ откровенно, что вотъ уже третій день онъ изо всѣхъ силъ трудится — и не можетъ найти приступа къ заданной ему письменной темѣ и что это не только печалитъ его теперь, но и заставляетъ съ отчаяніемъ думать о будущемъ. Тогда Флоръ засмѣялся и сказалъ: „Неужели ты хочешь выражаться лучше, чѣмъ мо-

жешь?» Съ цѣлью дѣлать успѣхи, надо трудиться, а не падать духомъ. Но, чтобы мы могли писать еще скорѣе, нужны будутъ не одни упражненія, — сами по себѣ они безспорно важны — но и разумная метода. Если мы не станемъ сидѣть задравъ голову, смотрѣть въ потолокъ, бормотаньемъ будить свою мыслительную способность и ждать, что будетъ, но обращать вниманія на то, чего требуютъ обстоятельства, что отвѣчаетъ положенію дѣйствующихъ лицъ, требованію данной минуты и настроенію судьи,—мы начнемъ писать, если можно выразиться, по человѣчески. Само положеніе дѣла продиктуетъ намъ тогда и вступленіе, и дальнѣйшее. Большинство уже понятно и попадается на глаза, если только мы ихъ не закрываемъ. Вотъ почему люди необразованные или мужики не долго затрудняются, съ чего имъ начать. Тѣмъ стыднѣе для насъ, если въ неловкое положеніе ставитъ насъ—ученіе. Все-же мы не должны думать постоянно, что самое лучшее то, что скрыто, иначе намъ иногда пришлось бы превращаться въ нѣмыхъ, если бъ мы считали нужнымъ говорить то лишь, чего не можемъ найти.

Въ противоположную ошибку впадаютъ тѣ, кто хотятъ какъ можно скорѣй набросать сперва свои мысли на бумагу и начинаютъ писать экспромптомъ, съ воодушевленіемъ и подъ живымъ настроеніемъ минуты. Они называютъ это «черновыми набросками». Затѣмъ они просматриваютъ написанное и приводятъ въ порядокъ. Но исправленіе ограничивается отдѣльными словами и періодами; что же касается хаотическаго безпорядка мыслей, онъ остается по прежнему небрежнымъ. Лучше поэтому сразу же приложить стараніе и такимъ образомъ вести дѣло съ первыхъ шаговъ, чтобы пришлось не снова высѣкать статую, а только провести по ней рѣзцомъ. Иногда, впрочемъ, можно отдаваться и аффектамъ, гдѣ играетъ роль скорѣй воодушевленіе, нежели точность.

Изъ того, что я сурово смотрю на небрежное отношеніе къ письменнымъ работамъ, довольно ясно видно, что думаю я объ излюбленномъ пріемѣ—диктовкѣ. Когда мы пишемъ хотя бы даже скоро, намъ всетаки остается нѣсколько времени подумать,—мысль опережаетъ перо—тогда какъ нашъ секретарь не даетъ намъ ни минуты покоя. Иногда же намъ самимъ стыдно раздумывать, дѣлать остановки или перемѣны, какъ бы изъ боязни выказать передъ чужими свои слабыя стороны. Въ концѣ концовъ, у насъ вырываются не только неудачныя и случайныя, но подчасъ прямо таки не соотвѣтствующія выраженія,—мы стараемся лишь писать слова, не отвѣчающія ни необходимой при письмѣ осто-

рожности, ни живости, требуемой отъ говорящаго. Затѣмъ, если секретарь пишетъ нѣсколько медленно и не совсѣмъ бойко читаетъ написанное, спотыкается, если можно выразиться, онъ останавливаетъ нашъ бурный потокъ мысли, и все наше прежнее собираніе съ мыслями не приводитъ ни къ чему, благодаря остановкамъ, иногда же вслѣдствіе раздраженія. Что же касается жестовъ, являющихся результатомъ болѣе глубокихъ душевныхъ движеній и въ извѣстной степени дѣйствующихъ на душу возбуждающимъ образомъ, напр., маханія руками, дѣланія физіономій, хлопанья себя подъ часъ въ грудь или по ляжкамъ,—что замѣчаетъ и Персій, когда говоритъ о небрежномъ стилистѣ:

Онъ не колотитъ рукой столика и не грызетъ ногтей до мяса,—

они даже смѣшны, если мы не одни. Наконецъ, — говорю разъ навсегда — самое важное для успѣха работы замѣчаніе: при диктовкѣ невозможно уединяться. Никто однако не станетъ сомнѣваться, что человѣку пишущему — уединенное мѣсто и ничѣмъ не нарушаемая тишина полезны въ высшей степени. Но не слѣдуетъ вѣрить сразу тѣмъ, кто думаетъ, что въ данномъ случаѣ всего удобнѣе рощи и лѣса,—здѣсь «есть открытое небо, красивыя мѣста, приводящія въ возвышенное настроеніе душу и доставляющія богатую пищу уму». То, что само по себѣ доставляетъ удовольствіе, непремѣнно должно отвлекать наше вниманіе отъ намѣченной нами цѣли: нельзя сразу серьезно отдаваться всей душой многому; разъ взглянувъ на что нибудь, перестаешь глядѣть на намѣченное прежде. Красота лѣса, протекающія мимо рѣки, вѣтерки, шелестящіе въ вѣтвяхъ деревьевъ, пѣнье птицъ и самая возможность видѣть горизонтъ привлекаютъ насъ къ себѣ, поэтому, мнѣ кажется, эти красивыя картины скорѣй развлекаютъ, нежели даютъ работу мозгу. Демосѳенъ поступалъ умнѣе,—онъ уходилъ туда, гдѣ не было слышно ничьего голоса и гдѣ нельзя было никого видѣть, чтобы зрѣніе не заставляло умъ поступать наперекоръ. Зато если мы работаемъ ночью, заперпшись въ комнатѣ, ночная тишина вмѣстѣ съ единственною свѣчей можетъ служить въ своемъ родѣ самою надежною защитой.

Но въ умственной работѣ всякаго рода, такъ въ особенности при работѣ ночью, необходимо пользоваться хорошимъ здоровьемъ и — самое важное условіе для этого—вести регулярную жизнь: время, предназначенное намъ самою природою для отдыха и запаса силами, мы посвящаемъ самому упорному труду. Ему однако слѣдуетъ удѣлять столько времени, чтобы не жертвовать часами сна. Одна усталость мѣшаетъ нашему желанію усердно заняться письмомъ. У кого есть свободное время, тому болѣе, чѣмъ достаточно, ра-

ботать днемъ. Работать ночью можетъ заставить лишь необходимость—масса работы. Все же ночная работа, если только мы садимся со свѣжими силами и бодрыми, всего лучше отвѣчаетъ понятію «уединенной» работы.

Тишина, уединеніе и полное душевное спокойствіе, конечно, весьма и весьма желательны; но мы можемъ имѣть ихъ не всегда, поэтому не слѣдуетъ, при малѣйшемъ шумѣ, швырять тетрадь въ сторону и считать этотъ день потеряннымъ. Напротивъ, надо бороться съ препятствіями и пріучать себя побѣждать всѣ неудобства силою воли. Когда мы направимъ ее всецѣло на свою работу, ничто изъ того, что попадется намъ на глаза или случайно долетитъ до нашего слуха, не оставитъ въ душѣ никакого впечатлѣнія. Если мы часто, безъ всякой цѣли, настолько углубляемся въ себя, что не замѣчаемъ встрѣчныхъ или сбиваемся съ дороги, неужели мы не добьемся того же и въ данномъ случаѣ, если только захотимъ?... Не слѣдуетъ малодушно поддаваться лѣни, подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ. Разъ мы думаемъ заниматься умственною работой лишь отдохнувшими, лишь веселыми и лишь свободными отъ всѣхъ другихъ заботъ, у насъ всегда будетъ основаніе относиться къ себѣ снисходительно. Поэтому среди шумной толпы, въ дорогѣ и даже на званомъ обѣдѣ нашъ мозгъ долженъ самъ создавать себѣ пустыню... Что же будетъ рано или поздно, когда намъ придется говорить безъ приготовленія связную рѣчь—среди форума, окруженнымъ множествомъ трибуналовъ, среди брани и даже случайныхъ криковъ, если мы въ состояніи найти только въ тишинѣ пару словъ, чтобы написать ихъ потомъ на восковыхъ дощечкахъ?.. Вотъ почему самъ горячій поклонникъ уединенія, геніальный Демосѳенъ, упражнялся въ произнесеніи рѣчи — на морскомъ берегу и нарочно тамъ, гдѣ всего громче разбивались о берегъ волны, привыкая такимъ образомъ не теряться окончательно среди шума народныхъ собраній.

Не слѣдуетъ пренебрегать и мелочами—въ области знаній, впрочемъ, мелочей не существуетъ—и всего лучше писать на навощенныхъ дощечкахъ: въ такомъ случаѣ весьма легко стирать написанное, если только слабое зрѣніе не заставитъ прибѣгнуть къ употребленію пергамента. Онъ, правда, сберегаетъ зрѣніе; съ другой стороны, отъ частаго вытаскиванія пера при обмакиваніи его устаетъ рука и слабѣетъ быстрота мозговой работы. Но при первомъ и второмъ способѣ письма необходимо оставлять напротивъ текста поля, чтобы имѣть возможность дѣлать приписки. Иногда поправки дѣлать трудно потому, что не достаетъ мѣста или во,

всякомъ случаѣ, вставки не разобрать—отъ написаннаго прежде. Я не совѣтовалъ бы употреблять и слишкомъ широкихъ дощечекъ. Я зналъ одного образованнаго молодого человѣка, писавшаго страшно длинныя рѣчи, сообразуясь, въ данномъ случаѣ, съ числомъ строчекъ. Этотъ недостатокъ, который не удавалось исправить путемъ частыхъ напоминаній, съ перемѣной табличекъ былъ уничтоженъ.

Необходимо также оставлять мѣсто, куда заносить то, что пишущему приходитъ на мысль случайно, т. е. что не входило въ планъ рѣчи. Подчасъ приходятъ на умъ прекрасныя сентенціи, которыхъ не слѣдуетъ вносить въ текстъ, но не хорошо и оставлять безъ вниманія,—онѣ могутъ или забыться, или нарушить дальнѣйшій ходъ мысли, когда будутъ стараться удерживать ихъ въ памяти, поэтому всего лучше помѣщать ихъ на поляхъ.

IV. Переходимъ теперь къ исправленію, очень важному отдѣлу нашего руководства. Установилось не безосновательное мнѣніе, что работа пера не менѣе серьезна, когда оно стираетъ написанное. Подъ этимъ надо понимать дополненія, сокращенія и передѣлки. Въ отношеніи дополненій или сокращеній дѣло легче и проще, зато вдвойнѣ труднѣй задача, когда приходится упростить слишкомъ высокопарное, сдѣлать повыше—низкое, сократить—черезчуръ подробное, исправить—неточное, сплотить—лишенное гармоніи, заключить въ рамки—переходящее границы. Надо выбрасывать нравившееся прежде или выдумывать то, чего никогда не приходило въ голову.

Безъ сомнѣнія, лучшій способъ исправленія заключается въ откладываніи написаннаго въ сторону на нѣсколько времени, чтобы наши произведенія не влекли насъ къ себѣ, точно новорожденный. Но это можетъ удаваться не всегда, въ особенности оратору, которому необходимо писать чаще по требованію минуты; да и самое исправленіе имѣетъ границы. Есть авторы, считающіе все вышедшее изъ подъ ихъ пера полнымъ ошибокъ. Къ написанному ими они считаютъ какъ бы грѣхомъ относиться съ хорошей стороны. Всякая переработка, по ихъ мнѣнію, улучшаетъ дѣло, и они поступаютъ такъ каждый разъ, когда книга снова попадаетъ имъ въ руки, по примѣру докторовъ, дѣлающихъ ампутаціи даже здоровыхъ частей тѣла. Въ результатѣ, ихъ работа покрыта своего рода рубцами, безжизненна и отъ не въ мѣру усерднаго исправленія становится еще хуже. Такъ лучше оставимъ ее до поры до времени, пока она намъ понравится или, въ

крайнемъ случаѣ, будемъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы пила отдѣлывала вещь, а не пилила ее пополамъ.

Мѣра должна быть и въ отношеніи времени. Если Цинна, какъ говорятъ, писалъ свою «Смирну» девять лѣтъ или Исократъ усидчиво работалъ надъ своимъ «Панегирикомъ», по разсказамъ, самое меньшее десять лѣтъ, — это не можетъ имѣть никакого значенія для оратора. Разъ онъ будетъ такъ медленъ, отъ него нечего ждать проку.

V. Затѣмъ намъ слѣдуетъ сказать, что́ главнымъ образомъ должно служить темой письменныхъ упражненій тѣмъ, кто желаетъ пріобрѣсти ἕξιν. Входить въ объясненія относительно различныхъ матеріаловъ для нихъ или о томъ, чѣмъ слѣдуетъ заниматься сперва, чѣмъ потомъ—считаю лишнимъ здѣсь (я сдѣлалъ это уже въ первой книгѣ, гдѣ распредѣлилъ порядокъ занятій для мальчиковъ, и во второй—для взрослыхъ), тема предлагаемой главы: рѣшеніе вопроса, откуда всего лучше имѣть запасъ словъ и научиться легко писать.

Наши ораторы старой школы вполнѣ отвѣчающими этой цѣли считали переводы съ греческаго на латинскій. Л. Крассъ замѣчаетъ, въ одной изъ вышеупомянутыхъ книгъ Цицерона De oratore, что онъ дѣлалъ это не разъ. Лично Цицеронъ прямо рекомендуетъ этотъ пріемъ. Благодаря этому, онъ даже перевелъ и издалъ нѣсколько сочиненій Платона и Ксенофонта. Его примѣру послѣдовалъ Мессала и такимъ образомъ перевелъ много рѣчей, притомъ настолько успѣшно, что крайне трудной для римлянина передачей безыскусственнаго стиля знаменитой рѣчи Гиперида за Фрину могъ поспорить съ оригиналомъ.

Поводъ къ упражненіямъ подобнаго рода очевиденъ,—у греческихъ авторовъ бездна мысли; сила краснорѣчія въ нихъ соединена съ блестящею техникой, затѣмъ, при переводѣ ихъ, можно выбирать лучшія выраженія: въ данномъ случаѣ мы употребляемъ слова исключительно своего языка. Что же касается фигуръ, главнаго украшенія рѣчи, намъ даже приходится образовывать многія изъ нихъ, разнообразя, потому что, въ большинствѣ случаевъ, способъ выраженія латинскаго языка отличается отъ греческаго.

Въ свою очередь много пользы въ состояніи принести сами по себѣ перифразы съ латинскаго. Относительно поэтовъ не можетъ быть, мнѣ кажется, никакихъ сомнѣній. Сульпицій, говорятъ, упражнялся исключительно въ этомъ родѣ,—во-первыхъ, высота вдохновенія въ состояніи придать торжественность и прозѣ; во вторыхъ, поэтическая вольность, придавая больше смѣло-

сти словамъ, позволяетъ въ тоже время точно выражаться. Даже самыя мысли можно облекать въ энергичную форму ораторской рѣчи, дополнять недосказанное и сокращать лишнео. Только я не хочу, чтобы переводъ былъ лишь переводомъ,—необходимо устроить своего рода состязаніе и соперничество въ способѣ передачи одной и той-же мысли. Вотъ почему я не раздѣляю взгляда тѣхъ, кто не согласенъ допустить перифраза латинской прозы, такъ какъ «всякая перемѣна выраженій должна привести къ худшимъ результатамъ, разъ у насъ были прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ образцы».

Прежде всего, не всегда слѣдуетъ отчаиваться въ возможности найти лучшее выраженіе для сказаннаго уже, затѣмъ, латинскій ораторскій языкъ вовсе не такъ безпомощенъ и бѣденъ, чтобы одну мысль можно было выразить удачно только одинъ разъ. Если актеръ въ состояніи передать тѣ же самыя слова съ помощью массы жестовъ, краснорѣчіе, вѣроятно, такъ безсильно, что, разъ сказавъ что либо, не можетъ выразиться въ томъ-же духѣ... Но предположивъ даже, что найденное нами выраженіе не будетъ болѣе удачнымъ или равнозначущимъ, оно, по крайней мѣрѣ, можетъ очень близко отвѣчать стоящему въ оригиналѣ. Да и развѣ сами мы не говоримъ объ одной и той-же вещи два раза и даже чаще, иногда и въ формѣ продолжительнаго разговора? Но, вѣроятно, мы можемъ устраивать состязанія сами съ собою, а съ другими не можемъ... Если говорить хорошо можно было-бы однимъ только способомъ, у насъ было-бы основаніе считать нашъ путь отрѣзаннымъ нашими предшественниками; но вѣдь у насъ есть безчисленное множество способовъ; къ той-же цѣли ведетъ масса дорогъ. У краткости есть свои красоты, у богатства выраженія — свои; свои достоинства есть у метафоръ, какъ и у собственныхъ выраженій; одно лучше выразить простымъ слогомъ, другое—съ помощью употребленія фигуръ. Наконецъ, крайне полезна самая трудность упражненія. Къ тому-же, какимъ образомъ ближе познакомиться съ великими писателями?—Мы не пробѣгаемъ ихъ произведенія, разсѣянно читая ихъ, нѣтъ, мы занимаемся ими подробно, по необходимости вдумываемся въ нихъ и учимся цѣнить ихъ высокія достоинства уже потому, что лишены возможности подражать имъ.

Но полезно будетъ не только заниматься передѣлками съ чужого языка, но и перелагать самыми разнообразными способами и нашихъ писателей, такимъ образомъ, чтобы мы брали какія либо мысли и перефразировали ихъ какъ можно больше, какъ изъ одного куска воска лѣпятъ обыкновенно самыя разнообразныя

фигуры. Тѣмъ не менѣе самый большой навыкъ, по моему мнѣнію, мы въ состояніи пріобрѣсти, пользуясь любымъ изъ простѣйшихъ случаевъ,—богатымъ выборомъ лицъ, юридическихъ вопросовъ, времени, словъ и дѣлъ мы въ состояніи легко скрыть свою несостоятельность, разъ со всѣхъ сторонъ будетъ обиліе матеріала, изъ котораго можно что нибудь выбрать. Умъ, между тѣмъ, долженъ выражаться въ томъ, чтобы расширить тѣсное по своимъ свойствамъ, увеличить—малое, разнообразить—похожее, возбудить интересъ къ обыкновенному и умѣть много и красиво говорить о маломъ.

Въ данномъ случаѣ особенно цѣлесообразными окажутся «общія положенія», которыя выше мы называли тезисами и которыми любилъ заниматься Цицеронъ, уже играя выдающуюся роль въ республикѣ. Въ очень близкой связи съ ними стоятъ опроверженія или доказательства справедливости судейскихъ приговоровъ. Такъ какъ приговоры также представляютъ или какое либо заключеніе, или предписаніе, то какъ самое дѣло, такъ и мнѣніе о немъ можетъ одинаково служить предметомъ обсужденія. Далѣе идутъ общія мѣста, которыя, какъ мы знаемъ, разработывались уже ораторами. Кто станетъ заниматься подробно только этими простыми темами, не уклоняющимися въ сторону, тѣмъ большій матеріалъ найдетъ онъ въ такихъ, гдѣ уклоненія многочисленнѣе, и будетъ готовъ къ процессамъ всякаго рода: всѣ они основаны на общихъ положеніяхъ. Какая разница, напримѣръ, если сказать: «Народный трибунъ, Корнелій долженъ быть признанъ виновнымъ, какъ прочитавшій текстъ законопроекта», или спросить: «Не будетъ-ли оскорблено величество народа, если магистратъ лично прочтетъ народу свой законопроектъ?».. «Законно-ли убилъ Клодія Милонъ»,—будетъ предложенъ вопросъ на судѣ—или: «Позволительно-ли убивать человѣка, роющаго яму другому, или гражданина опаснаго для государства, если-бъ даже онъ и не рылъ другимъ ямы?» «Честно-ли поступилъ Катонъ, уступивъ Марцію Гортенсію?» или: «Прилично-ли такъ поступать честному человѣку?» Судить станутъ лицъ, а вступать въ пренія—о принципахъ.

Что-же касается декламацій, въ томъ видѣ, въ какомъ читаютъ ихъ въ школахъ риторовъ, онѣ въ высшей степени полезны, если только отвѣчаютъ дѣйствительности и похожи на рѣчи ораторовъ,—не тогда лишь, когда ученикъ еще учится, такъ какъ даютъ возможность упражняться одинаково въ инвенціи и диспозиціи, но и въ то время, когда воспитаніе ученика кончено и когда онъ успѣлъ пріобрѣсти извѣстность въ качествѣ

юриста: благодаря имъ, краснорѣчіе питается, получаетъ болѣе блестящій видъ, точно отъ болѣе богатаго стола, и снова собирается съ силами, утомившись отъ безпрестанныхъ упорныхъ схватокъ въ судѣ.

Поэтому слѣдуетъ иногда пользоваться для стилистическихъ упражненій отчасти и богатымъ историческимъ стилемъ, какъ подражать—непринужденному слогу діалоговъ. Было-бы полезно подняться для развлеченія даже въ сферу поэзіи, по примѣру атлетовъ, которые съ теченіемъ извѣстнаго времени перестаютъ соблюдать діэту и заниматься гимнастикой, а начинаютъ запасаться силами путемъ отдыха и улучшенія пищи. Вотъ почему, мнѣ кажется, Маркъ Туллій Цицеронъ былъ такимъ великимъ ораторомъ,—онъ отдавался и этимъ занятіямъ. Если-бъ матеріалъ намъ доставляли одни процессы, ораторъ долженъ былъ-бы непремѣнно потерять свой блескъ, умъ—лишился-бы своей гибкости и самое остріе нашего дарованія затупилось-бы отъ ежедневныхъ столкновеній.

Но какъ ораторовъ, уже закаленныхъ въ сраженіяхъ и какъ бы служащихъ въ военной службѣ, краснорѣчіе, точно пища, подкрѣпляетъ силами и позволяетъ имъ отдохнуть: такъ молодежь не должна слишкомъ долго витать въ области ложныхъ представленій, пустыхъ призраковъ, привыкая къ нимъ до того, что съ ними трудно будетъ разстаться—или, когда она выйдетъ изъ тѣни школы, гдѣ успѣла почти состарѣться, ей придется задрожать предъ настоящимъ процессомъ, точно предъ лучами солнца.

Такой случай былъ, говорятъ, съ самимъ Порціемъ Латрономъ, первымъ знаменитымъ профессоромъ краснорѣчія. Онъ уже пользовался громадною извѣстностью въ качествѣ учителя, когда ему пришлось говорить рѣчь на форумѣ,—и онъ настоятельно просилъ перенести въ базилику судейскія скамейки... Небо показалось ему чѣмъ-то настолько новымъ, что можно было думать,—все его краснорѣчіе ограничивалось крышей и стѣнами.

На этомъ основаніи молодой человѣкъ, прекрасно усвоившій отъ своихъ учителей методъ инвенціи и строенія рѣчи,—вовсе не такая трудная задача, если только учители умѣютъ и хотятъ учить,—затѣмъ, пріобрѣтшій уже нѣкоторый навыкъ, обязанъ выбрать себѣ, по примѣру нашихъ дѣдовъ, какого либо оратора, долженъ ему слѣдовать и подражать, долженъ какъ можно больше посѣщать форумъ и, по возможности, чаще присутствовать при судопроизводствѣ, гдѣ, позже, онъ будетъ играть роль. Въ это время и самъ онъ обязанъ записывать защитительныя рѣчи,

которыя слышалъ лично, или-же другія, только не вымышленныя, и говорить «за» и «противъ», долженъ упражняться, какъ мы это видимъ на примѣрѣ гладіаторовъ, отточеннымъ оружіемъ. Такъ поступилъ — о чемъ мы говорили выше — Брутъ, написавшій рѣчь въ защиту Милона. Это лучше, нежели писать возраженія на рѣчи древнихъ ораторовъ, какъ сдѣлалъ Цестій, отвѣчая Цицерону на его рѣчь въ защиту того-же Милона, — хотя изъ защитительной рѣчи одной только стороны ему нельзя было составить достаточно яснаго понятія о дѣлѣ другой.

Но еще скорѣй добьется ученикъ своего, если учитель заставитъ его держаться, въ декламаціи, какъ можно ближе дѣйствительности и брать темы цѣликомъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время изъ нихъ выбираютъ лишь самыя легкія и всего болѣе нравящіяся. Но, во второмъ случаѣ, почти всегда мѣшаетъ слишкомъ большая цыфра учениковъ и привычка назначать классы декламаціи въ извѣстные дни, а отчасти и ошибка отцовъ дѣтей, обращающихъ больше вниманія на число декламацій, нежели на ихъ качество. Но, на мой взглядъ, — объ этомъ я говорилъ уже въ первой книгѣ — добросовѣстный учитель не обременитъ себя большимъ числомъ учениковъ, чѣмъ онъ въ состояніи заниматься, затѣмъ, уйметъ ихъ любовь болтать, чтобы рѣчь шла лишь о предметѣ контроверсіи, а не такъ, какъ хотятъ нѣкоторые, о чемъ угодно, или же продлитъ срокъ, въ который должна быть произнесена декламація, на большее число дней, нето позволитъ раздѣлить темы. Тщательная обработка одной изъ нихъ принесетъ больше пользы, нежели нѣсколько лишь начатыхъ, до которыхъ, если можно выразиться, только дотронулись губами. Въ результатѣ, ничто не стоитъ на своемъ мѣстѣ; вступленіе рѣчи не отвѣчаетъ своей формѣ, — молодые люди стараются переносить лучшія фразы изъ всѣхъ частей въ ту, которую имъ придется говорить. Такимъ образомъ, изъ боязни не имѣть времени произнести дальнѣйшее, они вносятъ хаосъ въ предыдущее.

VI. Ближайшее мѣсто къ стилистическимъ упражненіямъ занимаетъ обдумываніе темы, источникомъ котораго служатъ они-же и которое занимаетъ нѣчто среднее между трудными стилистическими упражненіями и зависящими отъ случайностей экспромтами и имѣетъ себѣ примѣненіе едва ли не всего чаще: писать мы можемъ не вездѣ и не всегда, между тѣмъ какъ для обдумыванія у насъ масса времени и мѣста. Уже въ нѣсколько часовъ оно въ состояніи составить понятіе даже о крупныхъ процессахъ; ему поможетъ сама ночная темнота, если мы страдаемъ безсонницей; оно сумѣетъ найти себѣ нѣсколько минутъ сво-

боднаго времени и не знаетъ отдыха среди нашей юридической практики. Оно не только само приводитъ въ порядокъ мысли,— чего было бы довольно само по себѣ—но и группируетъ слова и дѣлаетъ рѣчь связной настолько, что остается лишь взяться за перо для окончательной отдѣлки,—тверже удерживается въ памяти, въ большинствѣ случаевъ, то, въ отношеніи чего намъ нельзя оставаться спокойными, надѣясь, что оно записано.

Однако способность вдумываться не можетъ дасться вдругъ или скоро: прежде всего, необходимо выработать извѣстный образецъ, путемъ долгихъ стилистическихъ упражненій, образецъ, который не оставлялъ бы насъ и при обдумываніи темы; далѣе, надо пріучиться совмѣщать въ своемъ умѣ сначала небольшое число понятій, чтобы возстановлять ихъ отчетливо, затѣмъ, развивать навыкъ посредствомъ постепеннаго увеличиванія понятій, настолько, чтобы при этой работѣ не чувствовалось никакого утомленія, и пріучаться, путемъ частыхъ упражненій, удерживать въ памяти многое. Выдающуюся роль въ данномъ случаѣ играетъ память, поэтому я счелъ нужнымъ сказать кое что о ней въ своемъ мѣстѣ.

Человѣкъ, чей умъ не идетъ напроломъ, можетъ съ помощью прилежнаго труда добиться того, что передастъ свои мысли такъ же точно, какъ и написавъ ихъ или выучивъ наизусть. Цицеронъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ, что скепсецъ Метродоръ и родіецъ Емпилъ, изъ грековъ, и Гортенсій — изъ римлянъ могли, въ своей рѣчи въ судѣ, пересказать слово въ слово то, что обдумали раньше.

Но, если во время произнесенія рѣчи встрѣтится, быть можетъ, случайно какая нибудь счастливая мысль, съ особеннымъ оттѣнкомъ, не слѣдуетъ педантично держаться исключительно того, что мозгъ выработалъ предварительно. Оно не такъ драгоцѣнно, чтобы намъ не давать мѣста счастливой случайности,—часто даже въ текстѣ дѣлаютъ случайныя вставки. Поэтому упражненія подобнаго рода всегда слѣдуетъ обставлять такъ, чтобы намъ одинаково легко дѣлать отступленія отъ подлинника, какъ и снова возвращаться къ нему: если самое важное — унести изъ дому готовый и надежный запасъ словъ, безконечно глупо съ другой стороны,—отказываться отъ случайныхъ подарковъ. Вотъ почему процессъ обдумыванія должно обставлять такъ, чтобы счастье не могло обмануть насъ, а помочь могло.

Хорошая память даетъ взвѣшенному нами въ умѣ течь свободно, сходить съ языка и, въ то время какъ мы кидаемъ

взглядъ назадъ и возлагаемъ свои надежды исключительно на припоминаніе, позволяетъ глядѣть впередъ,—или, по моему мнѣнію, смѣлость говорить экспромптомъ я долженъ буду предпочесть небрежному обдумыванію темы. Оглядываться назадъ плохо,— пока мы ищемъ одно, мы упускаемъ изъ виду другое, черпая мысли скорѣй изъ памяти, нежели изъ самой темы. Если надо брать изъ обоихъ, найти можно — больше, въ сравненіи съ тѣмъ, что нашли.

VII. Умѣнье говорить экспромптомъ — лучшій результатъ ученія и своего рода самая богатая награда за долгіе труды. Кто окажется не въ состояніи пріобрѣсти его, долженъ, по крайней мѣрѣ, по моему убѣжденію, отказаться отъ мысли о профессіи юриста и своей единственной способности владѣть перомъ найти лучше другое примѣненіе: человѣкъ честный едва ли можетъ со спокойною совѣстью обѣщать свои услуги помочь общему дѣлу, если не въ силахъ оказать ея въ самую критическую минуту; онъ былъ бы похожимъ на портъ, куда корабль можетъ войти— только при тихой погодѣ. Есть, между тѣмъ, масса случаевъ, когда оратору необходимо говорить экспромптомъ — или передъ магистратами, или предъ наскоро составленнымъ трибуналомъ. Если это случится,—не говоря уже съ кѣмъ либо изъ невинныхъ гражданъ, а даже съ чьимъ либо пріятелемъ или родственникомъ,— что жъ, онъ долженъ стоять нѣмымъ и, въ то время какъ они ждутъ его спасительнаго слова и могутъ немедленно погибнуть, если имъ не помочь, — требовать отсрочки, возможности уединиться или тишины, пока мы приготовимъ свою «спасительную» рѣчь, запишемъ и приведемъ въ порядокъ свои легкія и грудь?.. Но какая теорія можетъ позволить какому нибудь оратору когда либо оставлять безъ вниманія случайности? Что выйдетъ, если придется отвѣчать противнику? — Часто то, что мы ожидали и противъ чего сдѣлали письменныя возраженія, не оправдываетъ возлагаемыхъ на него надеждъ; все дѣло разомъ мѣняется, и, какъ шкиперъ мѣняетъ курсъ, смотря по направленію вѣтра, такъ адвокатъ мѣняетъ свой планъ, въ процессѣ, смотря по перемѣнамъ въ ходѣ этого процесса. Далѣе, что толку въ усидчивыхъ стилистическихъ упражненіяхъ, прилежномъ чтеніи и долгомъ курсѣ ученія, если продолжаютъ оставаться тѣ же затрудненія, какъ и въ началѣ? Безъ сомнѣнія, тотъ долженъ считать свои прежніе труды пропавшими даромъ, кому приходится трудится постоянно надъ однимъ и тѣмъ же. Я, впрочемъ, хлопочу не о томъ, чтобы будущій ораторъ отдавалъ предпочтеніе импровизаціямъ, но о томъ, чтобы могъ произносить ихъ; это же достигается всего лучше слѣдующимъ образомъ.

Во первыхъ, необходимо имѣть представленіе о планѣ рѣчи,— нельзя добѣжать до призового столба, не зная предварительно, въ какомъ направленіи и какимъ путемъ слѣдуетъ бѣжать къ нему. Такъ мало и знать основательно части судебной рѣчи или умѣть правильно ставить главные вопросы, — хотя это весьма важно— нужно знать также, при всякомъ случаѣ, что поставить на первомъ мѣстѣ, что на второмъ и т. д. Связь здѣсь такъ естественна, что нельзя ничего переставить или выбросить, не внося дисгармоніи. Но желающій построить свою рѣчь методически, прежде всего, пусть возьметъ своего рода руководителемъ самый порядокъ вещей, поэтому люди даже мало практиковавшіеся очень легко умѣютъ сохранить нить въ своемъ разсказѣ. Далѣе, они должны знать, гдѣ что искать, не глазѣть по сторонамъ, не сбиваться съ толку не идущими къ дѣлу сентенціями и вносить безпорядокъ въ рѣчь—чуждыми элементами, прыгая, если можно выразится, то туда, то сюда и ни на минуту не останавливаясь на мѣстѣ. Слѣдуетъ, кромѣ того, держаться мѣры и цѣли, чего не можетъ быть безъ дѣленія. Сдѣлавъ, по мѣрѣ возможности, все предположенное, мы придемъ къ убѣжденію, что покончили со своею задачей.

Все это дѣло теоріи, дальнѣйшее — практики: пріобрѣтеніе запаса лучшихъ выраженій сообразно предписаннымъ заранѣе правиламъ, образованіе слога, путемъ продолжительныхъ и добросовѣстныхъ стиллистическихъ упражненій, при чемъ даже то, что случайно сходитъ съ пера, должно носить характеръ написаннаго, и, наконецъ, долгія устныя бесѣды при долгихъ письменныхъ работахъ,—легкость даютъ преимущественно привычка и практика. Если ихъ прервать хоть на короткое время, не только ослабѣваетъ прославленная эластичность, но становится неповоротливымъ и самый языкъ,—его сводитъ: хотя здѣсь необходима своего рода природная живость ума, чтобы въ тотъ моментъ, когда мы говоримъ ближайшее, мы могли строить дальнѣйшее предложеніе и чтобы къ только что сказанному всегда примыкала заранѣе составленная фраза, все же едва ли природа или теоретическія правила въ состояніи дать столь разнообразное примѣненіе мозговой работѣ, чтобы ея одновременно доставало для инвенціи, диспозиціи, выраженія, правильной послѣдовательности словъ и мыслей—какъ въ отношеніи того, что говорятъ или что намѣрены сказать сейчасъ, такъ и въ отношеніи того, что слѣдуетъ имѣть въ виду потомъ—и внимательнаго отношенія къ своему голосу, декламаціи и жестикуляціи. Необходимо быть внимательнымъ далеко заранѣе, имѣть мысли у себя передъ глазами и по-

траченное до сихъ поръ на произнесеніе рѣчи пополнять, заимствуя изъ недосказаннаго еще, чтобы, пока мы идемъ къ цѣли, мы, если можно выразиться, шли впередъ не меньше глазами, нежели ногами, разъ не желаемъ стоять на мѣстѣ, ковылять и произносить свои короткія, отрывистыя предложенія на манеръ заикающихся.

Есть, слѣдовательно, въ своемъ родѣ чисто механическая способность, называемая греками ἄλογος τριβή, гдѣ рука забѣгаетъ впередъ сравнительно съ перомъ, гдѣ глаза смотрятъ, во время чтенія, на цѣлыя строки, ихъ начало и конецъ и видятъ дальнѣйшее, еще не сказавъ предыдущаго. Этою способностью можно объяснить и извѣстные фокусы, продѣлываемые на сценѣ жонглерами и престидижитаторами и состоящіе въ томъ, что брошенные ими предметы какъ бы сами попадаютъ въ руки публики и перебѣгаютъ, по ихъ желанію, то туда, то сюда.

Но эта способность полезна тогда только, когда ей предшествуютъ теоретическія упражненія, о которыхъ рѣчь шла выше и благодаря которымъ то самое, что не основано на правилахъ, входитъ въ рамки правилъ. Мнѣ кажется, человѣкъ, говорящій неправильно, неизящно и необстоятельно, не говоритъ, а звонитъ. Никогда не стану я восторгаться и стройной импровизаціей, разъ вижу, что этого не занимать стать даже у сварливыхъ бабъ. Другое дѣло, если у импровизатора воодушевленіе гармонируетъ съ вдохновеніемъ, — тогда бываетъ часто, что и тщательно отдѣланная рѣчь не въ состояніи сравниться по благопріятному впечатлѣнію съ экспромптомъ. Ораторы старой школы, напр., Цицеронъ, объясняли такіе случаи помощью, оказываемой въ этотъ моментъ божествомъ. Но причина здѣсь очевидна: сильно дѣйствующіе аффекты и яркіе образы предметовъ несутся густою толпой, между тѣмъ при медленномъ процессѣ писанія все это иногда остываетъ и, благодаря упущенному удобному моменту, не возвращается обратно. Если же къ этому присоединятся не идущіе къ дѣлу софистическіе пріемы постановки, въ рѣчи, на всякомъ шагу, объ энергіи и силѣ не можетъ быть и разговора, — если даже выборъ каждаго выраженія и вполнѣ удаченъ, рѣчь всетаки слѣдуетъ назвать не литой, а склеенной по кусочкамъ.

Необходимо поэтому удерживать въ своей памяти тѣ именно образы предметовъ, о которыхъ я говорилъ ранѣе и которые мы назвали φαντασίαι, имѣть передъ глазами все вообще, о чемъ мы намѣрены говорить, — персонажи, вопросные пункты и чувства надежды и страха, съ цѣлью подогрѣвать свои страсти: кра-

сноръчивыми дѣлаетъ сердце въ соединеніи съ умомъ. Вотъ почему даже у людей необразованныхъ не оказывается недостатка въ словахъ, если только они находятся подъ вліяніемъ какого либо аффекта. Затѣмъ слѣдуетъ обращать вниманіе не на одну какую нибудь вещь, но разомъ на нѣсколько, тѣсно связанныхъ между собою. Такъ, если мы смотримъ иногда на дорогу въ прямомъ направленіи, мы глядимъ одновременно и на все, что находится по обѣимъ ея сторонамъ, и видимъ не только крайніе предметы, но и все, до линіи горизонта.

Заставляетъ говорить также самолюбіе. Можетъ показаться удивительнымъ, что въ то время, какъ для стиллистическихъ упражненій мы ищемъ уединенія и избѣгаемъ всякаго общества, импровизаторъ приходитъ въ возбужденіе, благодаря многочисленной аудиторіи, какъ солдатъ — военному сигналу: необходимость говорить заставляетъ, принуждаетъ облекать въ форму и самыя трудныя для передачи мысли, а желаніе нравиться увеличиваетъ воодушевленіе, приводящее къ счастливымъ результатамъ.

Все настолько сводится къ жаждѣ награды, что даже краснорѣчіе, имѣя главную прелесть въ самомъ себѣ, однако-жъ въ очень большой степени заинтересовано минутными выраженіями похвалы и общественнаго мнѣнія. Только никто не долженъ разсчитывать на свой талантъ настолько, чтобы надѣяться говорить экспромптомъ съ перваго же раза,—какъ мы уже совѣтовали въ главѣ «объ обдумываніи темы», въ дѣлѣ импровизаціи слѣдуетъ идти къ совершенству постепенно, начиная съ малаго, а это можно пріобрѣсти и упрочить исключительно путемъ практики. Здѣсь однако нужно стараться, чтобы обдуманное сочиненіе не было всегда лучшимъ, а лишь болѣе надежнымъ въ сравненіи съ импровизаціей, — этою способностью многіе владѣли не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, напр., Антипатръ Сидонскій и Лициній Архій: въ данномъ случаѣ нельзя не вѣрить Цицерону, хотя я могъ бы указать, что этимъ занимались и занимаются нѣкоторые и наши современники. Я однако считаю это не столько похвальнымъ,— здѣсь я не вижу ни особенной пользы, ни необходимости — сколько полезнымъ примѣромъ поощренія для лицъ, готовящихся къ профессіи юриста. Но никогда не слѣдуетъ настолько довѣрять своему импровизаторскому таланту, чтобы не посвятить хоть немного времени—его всегда найдется—для обдумыванія того, что намѣрены говорить; по крайней мѣрѣ, въ судѣ и на форумѣ это всегда можно сдѣлать: никто не берется вести процессъ, не изучивъ его. Правда, нѣкоторые декламаторы, подъ вліяніемъ,

ложно понимаемаго чувства самолюбія, объявляютъ о своемъ желаніи говорить, едва имъ объявятъ тему контроверсіи; они даже просятъ сказать, съ какого слова начинать имъ,—что ужъ совсѣмъ глупо и театрально. Но краснорѣчіе, въ свою очередь, смѣется надъ своими жестокими оскорбителями,—и тѣ, кому дураки хотятъ выдать аттестацію людей образованныхъ, въ глазахъ образованныхъ кажутся дураками.

Но, если обстоятельства, сверхъ всякаго ожиданія, заставятъ говорить безъ приготовленія, необходимо обладать подвижнымъ умомъ, обратить затѣмъ всѣ силы этого ума на тему и ради требованій минуты пожертвовать чистотой языка, разъ ужъ нельзя примирить содержанія съ формой. Въ случаяхъ подобнаго рода мы и выигрываемъ время, произнося медленнѣе, и рѣчь наша становится вдумчивой и какъ бы нерѣшительной, при чемъ однако мы кажемся разсуждающими, но не запинающимися. Это можетъ быть тогда, если мы выходимъ изъ гавани и если насъ несетъ вѣтеръ, пока еще не всѣ снасти приведены въ порядокъ. Вскорѣ мы, не прерывая курса, постепенно поставимъ паруса, укрѣпимъ канаты и двинемся впередъ на всѣхъ парусахъ. Это лучше, нежели позволять увлечь себя потоку пустыхъ словъ и отдаваться вполнѣ на его полный произволъ, точно бурѣ

Не меньшаго однако труда стоитъ сохранить, чѣмъ пріобрѣсти эту способность,—теоретическія знанія, разъ усвоенныя, остаются въ памяти; въ свою очередь, манера записывать только немногое невыгодна въ отношеніи бѣглости, если здѣсь мы дѣлаемъ перерывы, тогда какъ способность говорить экспромптомъ въ любой моментъ поддерживается исключительно путемъ упражненій. Всего лучше находитъ она примѣненіе себѣ въ томъ случаѣ, если мы ежедневно говоримъ при многочисленной аудиторіи, состоящей въ особенности изъ лицъ, мнѣніемъ и отзывами которыхъ мы дорожимъ,—собственной критики боятся въ рѣдкихъ случаяхъ. Но еще лучше говорить хотя бы одному, нежели не говорить вовсе.

Существуетъ второй видъ такихъ упражненій, который можетъ имѣть мѣсто и время вездѣ, если только мы не заняты чѣмъ нибудь другимъ, и состоитъ въ обдумываніи и молчаливомъ прохожденіи темы отъ начала до конца, но при условіи, чтобы мы и въ это время какъ бы говорили внутренно сами съ собою. Отчасти онъ даже полезнѣе перваго,—здѣсь мы тщательнѣе строимъ свою рѣчь, чѣмъ въ первомъ случаѣ, когда боимся потерять нить разсказа; въ свою очередь, первый способъ предпочтительнѣе въ другомъ отношеніи,—въ отношеніи силы голоса, бѣглости рѣчи и

жестикуляціи, что, какъ я замѣтилъ выше, само по себѣ возбуждаетъ оратора, какъ размахиваніе руками и притоптываніе ногой подбадриваетъ его. Львы достигаютъ этого, по разсказамъ, ударами хвоста.

Все-же практиковаться слѣдуетъ всегда и вездѣ: почти нельзя найти дня, когда мы были бы заняты настолько, что не могли бы урвать хоть нѣсколько минутъ для полезнаго занятія письмомъ, чтеніемъ или декламаціей. Такъ дѣлалъ, по словамъ Цицерона, Брутъ. Гай Карбонъ имѣлъ привычку заниматься упражненіями подобнаго рода даже въ походной палаткѣ. Не слѣдуетъ обходить молчаніемъ и то, что рекомендуетъ тотъ же Цицеронъ,—не позволять себѣ относиться небрежно ни къ одному нашему слову: все, что мы ни говоримъ гдѣ бы то ни было, должно, конечно, по мѣрѣ возможности, носить на себѣ печать совершенства. Писать конечно, слѣдуетъ всего больше, тогда, когда мы намѣрены долго говорить экспромптомъ, — этимъ путемъ мы сохранимъ силу выраженія, при чемъ легко плавающія на поверхности слова должны будутъ уйти въ глубину. Такъ крестьянинъ обрѣзаетъ ближайшіе къ почвѣ корни виноградной лозы, чтобы укрѣпились, глубже проникая въ нее, нижніе. Декламація и письменныя упражненія могутъ, пожалуй, взаимно принести пользу, если ими заниматься серьезно и старательно: благодаря письменнымъ упражненіямъ, мы будемъ осторожно выражаться, благодаря декламаціямъ—легче писать. Значитъ, писать рѣчи надо всякій разъ, какъ это будетъ возможно; если-же этого сдѣлать нельзя, необходимо обдумать тему, когда-же немыслимо ни то, ни другое, слѣдуетъ всетаки стараться защитнику не казаться захваченнымъ врасплохъ, кліенту—брошеннымъ на произволъ судьбы.

Но бываетъ очень часто, что лица, нахватавшія много дѣлъ, записываютъ только самое необходимое, преимущественно начало, остальное-же принесенное ими изъ дому лишь держатъ въ головѣ и отвѣчаютъ на случайныя возраженія—экспромптомъ. Такъ дѣлалъ и М. Туллій Цицеронъ, какъ это видно изъ его конспектовъ. Есть конспекты, сдѣланные и другими и дошедшіе до насъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ авторъ, предъ тѣмъ, какъ говорить рѣчь. Позже, собрали въ одинъ томъ, напр.; конспекты процессовъ, веденныхъ Сервіемъ Сульпиціемъ, отъ котораго сохранились только три рѣчи; но тѣ конспекты, о которыхъ я говорю, такъ хороши, что, по моему мнѣнію, авторъ составилъ ихъ въ воспоминаніе о себѣ потомству. Что касается конспектовъ къ Цицерону, они написаны только для требованій минуты и даже сокращены отпущенникомъ его,

Тирономъ. Я говорю это не для снисходительнаго отношенія къ нимъ и не потому, что они мнѣ не нравятся, но съ цѣлью отнестись къ нимъ еще съ большимъ уваженіемъ.

Что касается импровизацій, мнѣ очень нравятся коротенькія замѣтки въ формѣ маленькихъ тетрадокъ; ихъ и удобно держать въ рукахъ, и въ нихъ же можно заглядывать время отъ времени. Совѣтъ Лэната — вносить главное изъ того, что мы написали, въ конспектъ, съ дѣленіемъ на главы, не нравится мнѣ: надежда на этотъ конспектъ заставляетъ насъ небрежно учить наизусть, вслѣдствіе чего наша рѣчь становится заикающеюся и безформенной. По моему-же мнѣнію, не слѣдуетъ записывать того, что мы въ состояніи сохранить путемъ запоминанія,—иногда наша мысль невольно обращается къ написанному, не позволяя попытать счастья въ импровизаціи. Тогда нашъ умъ безпомощно начинаетъ колебаться изъ стороны въ сторону, такъ какъ онъ и забылъ написанное, и не ищетъ новаго.

Но памяти я посвятилъ особую главу слѣдующей книги. Включить ее сюда не могу потому, что мнѣ слѣдуетъ говорить сперва о другомъ.

